

Господин,
которого
убили дважды

Елизавета Родкевич

Елизавета Михайловна Родкевич Господин, которого убили дважды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68356055

SelfPub; 2022

Аннотация

Как вы представляете себе убийцу? Может быть, это молодая вдова, искренне ненавидевшая покойного мужа? Или влюблённый в неё офицер, незадолго до случившегося вызвавший его на дуэль? Или же несдержанный и циничный врач, с самого начала обманывавший следователя? Что на самом деле произошло в имении Верховских, где злосчастным майским вечером был убит один из гостей бала, и не просто убит, а убит дважды?

Содержание

Глава 1	4
*	4
**	16
Глава 2	25
Глава 3	44
*	44
**	49
Глава 4	64
*	64
**	71
Глава 6	96
*	96
**	98
Глава 7	113
*	113
**	120
Глава 8	125
*	125
**	131

Елизавета Родкевич Господин, которого убили дважды

Глава 1

Усадьба Верховских горела огнями: Владимир Борисович давал званый вечер в честь именин своей жены, Анны Васильевны. Гости пока не танцевали, но оркестр уже гремел, а слуги то и дело сновали в толпе, поднося шампанское и закуски.

Однако не всем было весело в этот вечер. В тихом уголке усадьбы, у оплетённой розами арки, стояла женщина в темно-синем платье, отделанном кружевом. Плечи её слегка подрагивали, а с губ то и дело срывались тихие всхлипы.

Вдруг где-то за её спиной хрустнула ветка. Дама в синем обернулась и, старательно вглядываясь в тёмный силуэт, представший перед ней, спросила:

– Кто здесь?

– Это я, Софья Константиновна. Неужели вы не узнали

меня?

Голос был до боли знаком, и женщина наморщила лоб, пытаясь понять, кто стоял перед ней.

– Я не понимаю... Кто вы?

– Ein Teil fon jener Kraft, die staets das Böse will und staets das Gute schafft¹. Рад видеть вас!

– Ах, Алексей Николаевич! – она приветливо улыбнулась, наконец узнав встречного. – Я тоже очень рада вас видеть. Признаться, вы меня напугали, – в голосе её чувствовались недавние слёзы, и тот, кого называли Алексеем, настороженно спросил:

– Простите мне моё любопытство, но с вами всё хорошо?

Вы плакали?

– Нет, не извольте беспокоиться. Всё прекрасно, право, – Софья говорила с горестной иронией, и, Алексею стало нестерпимо жаль её.

– Мне пора идти. Дмитрий, должно быть, уже потерял меня. До скорой встречи, – попрощавшись, она направилась к дому, откуда доносилась музыка. Постояв в саду ещё с минуту, мужчина пошёл вслед за ней.

В полонезе, вальсе и мазурке прошли следующие два часа. Алексей Якунин безуспешно искал свою знакомую в толпе.

---

¹ «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» (пер. с нем, цитата из «Фауста» Иоганна Вольфганга фон Гёте. **Тут и далее – примечания автора.**

Завидев вдалеке именинницу, он направился поздравить её и засвидетельствовать своё почтение.

– Алёшенька, дорогой, здравствуй! – радостно воскликнула Анна Васильевна.

– Поздравляю вас с именинами, дорогая тётушка. Пусть улыбка не сходит с ваших уст, – он поцеловал её руку.

– Алёша, ты, может быть, останешься на пару дней у нас? – спросила тётя после их непродолжительной беседы. – Я хочу познакомить тебя с одной девушкой – тебе уже давно пора было найти невесту!

Алексей поморщился, и, сдерживая раздражение, ответил:

– Я буду очень рад.

Признаться честно, ему совершенно не хотелось расстраивать тётушку. Многие годы она делала тщетные попытки женить его, и ужасно обижалась, когда тому не нравились выбранные ею девушки. Все, как на подбор, глупые и наивные или же невероятно надменные, они ни капли не интересовали Алексея.

– Ты знаешь, у нас останутся ещё Елизаровы и Реутовы.

– Елизаровы? Чудесно. А Реутовы? Я никогда не слышал о них.

– Они приехали навестить меня из Воронежской губернии. С Юлией Михайловной мы знакомы с девичества. Она вдова, после смерти мужа у неё осталось двое детей: сын, Павел – врач, и дочь, Марья – писаная красавица, ей толь-

ко-только исполнилось шестнадцать. Вся их семья сейчас в трауре, поэтому они не принимают участия в празднике. Мы можем пройти в гостиную, чтобы я представила тебя им.

Что-то отвлекло внимание Алексея. Среди толпы мелькнуло синее платье, отделанное кружевом, и послышался знакомый голос.

– А вот и Софья Константиновна. Пойдём, поприветствуешь её.

Что-то внутри Якунина словно загорелось, и его обдало жаром. Алексей, стараясь сдерживать нелепую улыбку, последовал за Анной Васильевной и вскоре увидел Софью.

– Софья Константиновна, здравствуйте! Мой дорогой племянник, Алексей Николаевич, хочет засвидетельствовать вам своё почтение, – зачастила Анна Васильевна.

– Мы с Алексеем Николаевичем уже виделись, – Софья улыбнулась, но улыбка это была вымученной, встревоженной.

– Замечательно! А где же Дмитрий Сергеевич? – поинтересовалась тётушка.

– Он отошёл к карточным столам, должно быть.

– В таком случае, позвольте узнать, какую кадрили я буду иметь честь танцевать с вами? – заговорил молчавший до этого момента Якунин.

– Я думаю, следующую.

Мазурка закончилась, оркестр принялся играть кадрили, и Алексей подал руку Софье. Они, как предписывал этикет,

беседовали о какой-то нелепице весь танец, но почти не слушали, что говорят: оба пристально смотрели друг на друга, и, казалось, что между ними пробегали искры. Софья улыбалась, но на этот раз не вымучено, а счастливо, и в глазах её плясал огонь, как будто ей снова было шестнадцать.

Танец закончился, и они разошлись. Алексей хотел было пригласить Софью на следующий краковяк, но кто-то из знакомых подошёл поприветствовать его, и дама исчезла в толпе.

– Алёша, вот ты где! Пойдём, я хочу познакомить тебя с Реутовыми, – послышался голос тётушки. Она неожиданно появилась за спиной, и Якунин вздрогнул. Решив не расстраивать именинницу, он последовал за ней.

Рядом с окном, в самом углу гостиной, Алексей увидел троих человек. Первая дама – старшая Реутова, как догадался Алексей, была одета в строгое чёрное платье. Она была по-девически статна, хотя на лице её уже появились первые морщины. Рядом с ней, облокотившись о подоконник, стоял молодой мужчина, невероятно похожий на неё. Те же серо-голубые глаза и прямые светлые волосы, тот же орлиный профиль – всё свидетельствовало о том, что это её сын. Чуть поодаль прохаживалась девушка в чёрно-коричневом платье. Из-за пышных рукавов жиго² её и без того тонкая талия казалась осиной.

---

² Рукава жиго (от фр. *gigot* – окорок) фасон пышных рукавов, популярный в 1830-х и 1890-х годах.

– Юлия Михайловна, позвольте представить вам моего племянника, Алексея Николаевича Якунина.

– Чрезвычайно рад встрече, – сказал мужчина, поцеловав даме руку. – Позвольте выразить вам мои глубочайшие соболезнования.

– Спасибо, – она улыбнулась по-светски, прохладно и надменно. – Разрешите представить вам моего сына, Павла Александровича.

– Приятно познакомиться, Алексей Николаевич. Анна Васильевна много о вас рассказывала, – с улыбкой сказал мужчина.

Пока Юлия Михайловна отвлеклась, чтобы позвать дочь, тётушка отошла, а мужчины продолжали молчать. Мысли Павла были заняты чем-то другим.

– Алексей Николаевич, могу ли я обратиться к вам с просьбой? – наконец заговорил он.

– Разумеется. Я в вашем распоряжении.

– Я недавно видел в окне невысокого рыжеволосого мужчину, у него был тёмно-зелёный галстук-бабочка. Быть может, вы знаете этого человека?

– Должно быть, вы говорите о Дмитрие Елизарове? Я не припомню других рыжеволосых знакомых у тётушки.

– Должно быть. Благодарю вас. Прошу меня извинить, но я отойду: мне нужно поговорить с ним, – с этими словами Реутов отправился на поиски Елизарова.

– Алексей Николаевич, я хочу представить вам свою дочь,

Марью Александровну, – не успел Павел отойти, как перед Алексеем появилась Юлия Михайловна.

– Я очень рад нашему знакомству.

– Спасибо, это взаимно, – младшая Реутова, как и положено молодой и хорошенькой девушке, стыдливо улыбнулась, а щёки её зарделись румянцем.

– Раз уж я не буду иметь честь танцевать с Марьей Александровной, то быть может, я могу угостить вас чем-нибудь?

– Благодарю, мы с Машей будем весьма рады шампанскому, – сказала Юлия Михайловна.

Марья залилась краской и смущённо проговорила:

– Прошу меня простить, но я совсем не люблю шампанского. Извините, пожалуйста, я вовсе не...

– Всё в порядке, – прервал её тираду извинений Алексей и ушёл за напитками. Краем уха он услышал гневный шёпот Юлии Михайловны, отчитывавшей дочь. Когда Алексей вновь подошёл к ним с бокалом шампанского для старшей Реутовой, осведомилась:

– Я слышала, Алексей Николаевич, что вы служите. Должно быть, вы офицер?

– Имею честь быть поручиком.

– Военное дело – это так страшно... А вам приходилось убивать, Алексей Николаевич? – спросила, взволнованно взглянув на него, Марья.

«Какое чистое и наивное создание», – подумал, улыбнувшись, Якунин, а затем покачал головой.

– Я никогда не был на войне, да и на дуэлях не убивал. Но то, о чём вы говорите, Марья Александровна, дело весьма нехитрое. Человек по природе своей склонен к жестокости.

– Боюсь, что здесь я с вами не соглашусь. Как может ребёнок, невинный ангел, быть склонен к жестокости? – вмешалась в разговор старшая Реутова.

– Вы правы, Юлия Михайловна, в том, что мы рождаемся непорочными, однако, с каждым годом становимся лишь хуже, – он устало улыбнулся, – Прошу меня извинить, но я должен отойти. До скорой встречи!

Когда они попрощались, а светская беседа была закончена, Якунин пошёл на улицу, чтобы немного подышать свежим воздухом и встал, прислонившись к раскидистому дубу.

Что может быть прекраснее майской прохладной ночи? Отблески луны падали на водную гладь пруда, в которой отражались берёзы, покрытые нежной молодой листвой. Аромат сирени и цветущих яблонь дурманил, и на душе было хорошо и легко, как бывает только у наивных гимназистов и влюблённых.

Где-то за спиной Алексея послышался шум.

– Ах, вот вы где, ненаглядная моя! – в тоне говорившего чувствовалась ирония, не предвещавшая ничего доброго.

– Дмитрий, я...

Женский голос... Да это же Софья! Якунин резко обернулся. Перед его глазами предстала она, а рядом – невысокий рыжий мужчина с зелёным галстуком-бабочкой на шее

– Дмитрий Елизаров, её муж.

– Думаете, я не видел, как вы смотрели на него?

Софья что-то тихо сказала, потупив взгляд. Его лицо покраснело, а голос задрожал от ярости:

– Не забывайте: всё, что у вас есть, эти наряды, эти деньги, да хоть то, что ваш отец ещё не умер от голода – всё это только благодаря мне! И какая за это благодарность? Вы даже ребёнка мне не можете подарить, а теперь решили ещё и изменить? Помните: стоит мне захотеть, и ваша карета превратится в тыкву, а сами вы умрёте в нищете!

Они оба замолчали, и тишину прерывали лишь всхлипы Софьи.

– А всё же мне интересно, – мужчина усмехнулся в усы, – это заиграли мещанские корни вашей маменьки или же вы решили уподобиться дамам полусвета?

– Как вы можете! Я... я ненавижу вас! – она разрыдалась и закрыла лицо руками.

Кровь запульсировала в висках, и, не в силах больше сдерживать гнев, Якунин вышел из тени высокого дерева, направляясь к паре.

– Добрый вечер. Если у вас, Дмитрий Сергеевич, есть вопросы, касающиеся нашего с Софьей Константиновной танца, то можете задать их мне, а не издеваться над несчастной женщиной, – Алексей быстрыми шагами приблизился и встал рядом, в упор глядя на Елизарова.

– Добро пожаловать, милостивый государь! Вы легки на

помине. Как я погляжу, вы благородный рыцарь, защищающий прекрасных дам от драконов. Ну и где же тогда ваша шпага с конём?

– Конь у меня есть, – Алексей подошёл к Дмитрию ещё на шаг. – А на шпагах сражаются только с мужчинами.

– Что вы сказали? – Елизаров, словно ужаленный, подскокил на месте.

– Раз вы только и можете, что срывать свой гнев на женщине, а не высказать мне свои претензии, то у меня возникают сомнения в том, настоящий ли вы мужчина и благородный ли вы человек.

– Молите Господа, чтобы я ослышался! – почти что прошипел Елизаров.

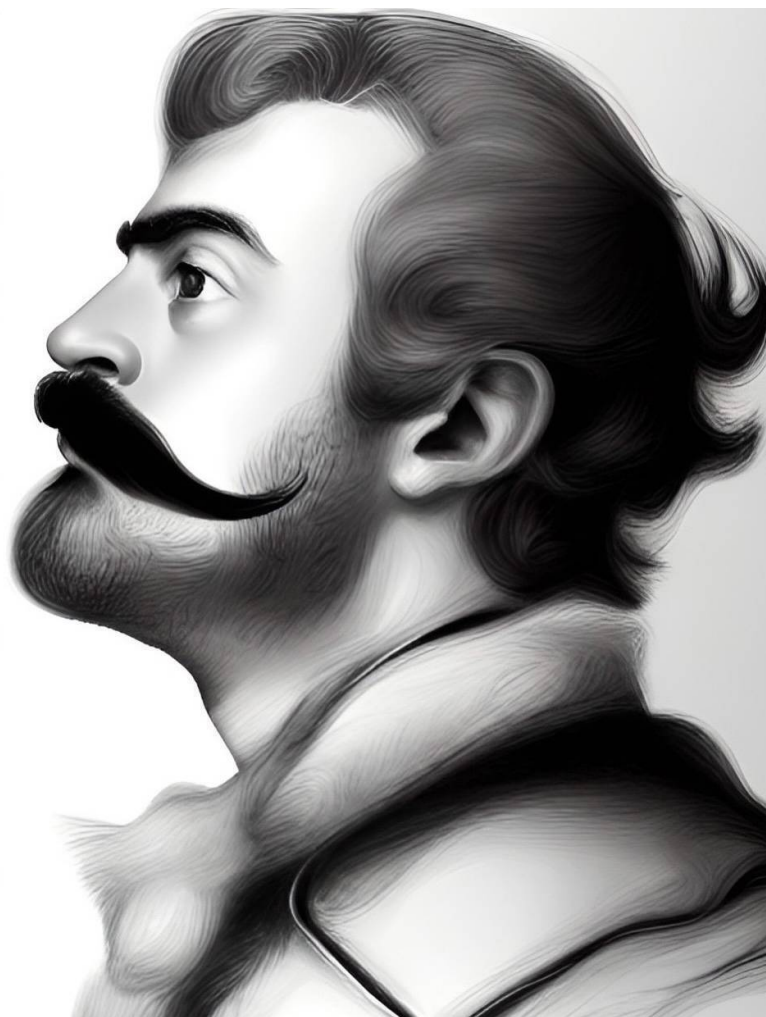
– Отнюдь, ваш слух вас не подводит.

– Мерзавец! – голос оскорблённого Дмитрия дрожал от ярости. Миг, и перчатка уже брошена к ногам его обидчика.

– Нет! Нет, умоляю, не надо! – Софья встала между ними. Оба, не обращая на неё внимания, продолжали буравить друг друга взглядами.

– Со временем и местом определимся позже, – стараясь подавить гнев, проговорил Елизаров. – До скорой встречи, а мы с супругой с вашего позволения покинем вас, – он приобнял Софью и направился к дому.

Алексей хотел было выкрикнуть что-то, но она обернулась и с мольбой взглянула на него, и тот понял все без слов.

Дмитрий Сергеевич Елизаров

Было страшно. Казалось, он боялся впервые в жизни, но не за себя: вдруг с Софьей что-то случится? Это ужасное бездействие мучило Алексея. Он то и дело вскакивал с кровати и бродил по комнате, вороша воспоминания, а затем снова садился.

Он знал Софью с тех далёких времён, когда мальчишкой жил в имении Верховских. Сонечка, тогда ещё Лазарева, была у них частым гостем. «Остра на язык и уж слишком смешлива», – так говорила о ней тётушка. И правда, девичий смех звонким колокольчиком всякий раз разливался по дому во время званых вечеров и семейных ужинов. Невысокая, пышная, темноокая, она с первой их встречи увлекла собой пятнадцатилетнего Алексея, и тайные свидания в саду у раскидистого дуба навсегда остались в его памяти. Однако пришло время отправляться на службу, и Якунин уехал в Петербург. Прошло пять долгих лет, прежде чем они увиделись снова. Софья вышла замуж за Дмитрия, стала Елизаровой, и теперь больше звонкий смех не звучал по вечерам гостиной. Бывшая возлюбленная Алексея остепенилась, сделалась строгой и серьёзной, но каждый раз, когда при виде Якунина она восклицала «Ах, Алексей Николаевич!», а в голосе чувствовались столь знакомые, милые сердцу нотки, сердце его сжималось от терпкой тоски. Да, он тосковал, и

каждое воспоминание о ней несло лишь боль, а потому весной тысяча восемьсот девяносто первого года он вновь уехал в Петербург и продолжил службу. Но вот, спустя пять с половиной лет он вернулся в ставшие ему родными края, вернулся с позором... «Нет, надо гнать от себя эти мысли, решительно гнать» – подумал Якунин перед тем, как отдаться во власть Морфея.

Казалось, что в тревоге прошла вся ночь, но спустя пару часов он, проснувшись, обнаружил, что сумел задремать, а затем снова провалился в беспокойный сон.

Разбудил его громкий крик. Быстро одевшись, Якунин бросился вниз по лестнице. Мысли роились в его голове, возможные варианты развития событий представляли перед глазами... Но вот они – тревожно распахнутые двери. Софья в ночном одеянии без сознания лежала на кровати, а испуганная горничная приводила её в чувство. Дмитрий же сидел в кресле, но струйка крови, стекающая по его виску, не оставляла сомнений в том, что с ним произошло. От кресла отошёл Павел.

– Мёртв. Судя по всему, застрелили несколько минут назад, – еле слышно сказал он.

Стало так тихо, что Алексею было слышно, как бешено бьётся его сердце. Казалось, что время остановилось. Сколько уже прошло? Несколько секунд, минута, час? Гости и хозяева имения, горничные – все молча стояли, не веря в случившееся. Наконец Алексей негромко сказал:

– Вы видите где-то пистолет? Он мог застрелиться?

Все словно очнулись ото сна и принялись осматриваться, однако же поиски не увенчались успехом. В воздухе повисло недоброе молчание, и дышать в и без того душной комнате стало трудно.

Тишину прервал Владимир Борисович, принявшись отдавать распоряжения. Засновали слуги.

– Выведите женщин, никого сюда не пускайте. Софью Константиновну надо перенести куда-нибудь. И дверь, закройте сюда дверь!

Закончив, он обратился к жене и гостям:

– Прошу вас, пройдёмте в гостиную – надо решить, что делать дальше.

Все проследовали за ним. Софью уложили на диван, и горничная снова принялась хлопотать над ней.

Павел подался вперёд.

– Пропустите, я сам! – крикнул он и достал пузырёк из чемоданчика, поднёс его к носу Софьи. От резкого запаха нашатырного спирта все поморщились. Новоиспеченная вдова открыла глаза и проговорила слабым голосом:

– Дмитрий... Где он? Что произошло? Я видела его...

– К несчастью, Дмитрия Сергеевича, да упокоит Господь его душу, больше нет с нами. Его... – в комнате вновь повисла зловещая тишина. Никто не мог поверить в произошедшее. – Его застрелили, – сказал еле слышно Владимир Борисович.

– Кто? Кто сделал это?– повисло неловкое молчание, и она почувствовала, что всё смотрят на неё, словно ожидая, что она что-то скажет. – Когда я вошла, то никого не увидела, а Дмитрий... – испуганной Софье казалось, что взгляды окружающих прожигают её насквозь. – Почему вы все так на меня смотрите? Неужели вы считаете, что это сделала я? Что я его убила? – голос её задрожал, и она замолчала, стараясь сдерживать слёзы.

– Успокойтесь, Софья Константиновна, никто и не думал об этом, – попыталась успокоить её Анна Васильевна.

– Павел говорил, что у Алексея Николаевича была назначена с Дмитрием Сергеевичем дуэль, – вмешалась в разговор Юлия Михайловна.

– Дуэль? Алёша, какая дуэль? – от удивления Анна Васильевна, по своему обыкновению, по-гусиному вытянула короткую шею вперёд.

– Я собирался рассказать вам, но не успел. Дело в том, что мы с Дмитрием Сергеевичем несколько повздорили в саду.

– Несколько повздорили? Да вас бы сослали за это! Или вы решили поиграть в рыцарей?!

– Успокойтесь, дорогая, мы разберёмся с этим позже, – сказал Владимир Борисович. – Меня куда больше сейчас волнует, кто совершил это ужасное преступление. Надо как можно скорее сообщить в полицию, – с этими словами он хотел было выйти из гостиной, но его остановила Анна Васильевна.

– Нет, ни в коем случае! Это будет пятно на нашей репутации! А Алёша... что станет с ним?

– Я обращаюсь к становому приставу Андрею Петровичу Сафонову. К счастью, он наш хороший знакомый. Уверен, он непременно поможет нам, – сказав это, Владимир Борисович вышел.

Все постепенно стали расходиться по комнатам, и в гостиной остались лишь Алексей и его тётушка.

– И кто тебя за язык тянул, Алёша? Как ты только посмел вызвать на дуэль моего гостя?! Да ещё и в мои именины?! – она ходила по комнате, сцепив руки в замок.

– Вы ошибаетесь, тётушка. Покойный сам вызвал меня на дуэль.

– И из-за чего же, позволь узнать?

– Он счёл мои словами оскорбительными, в то время как на правду не принято обижаться.

– Что ты такого сказал ему?!

– Я лишь отметил, что он не мужчина. Видите ли, дело в том, что он унизил Софью Константиновну, довёл её до слёз из-за того, что она танцевала со мной и ему что-то померещилось... Вместо того чтобы поговорить со мной, он срывал свой гнев на ни в чём не повинной женщине!

– А тебе-то какое дело? Она его жена!

– Я... – Алексей поймал себя на мысли, что не может дать честного ответа на этот вопрос, – не мог позволить твориться такой несправедливости!

– Ах, несправедливости!.. Так вот, в чём дело! Пока я ищу ему невесту, он развлекается с замужней дамой!

– Что вы такое говорите, тётушка? Между нами ничего нет и не может быть, я готов поклясться вам в этом, – стараюсь сохранять спокойствие, хотя это было и не просто, сказал Алексей.

– Тогда почему же ты сделал это? Дуэли под запретом, и ты это прекрасно знаешь. Вас сослали бы, а теперь тебя ещё и могут начать подозревать в убийстве! Ох, не будет мне покоя с тобой, не будет...

– Не беспокойтесь за меня. Я невиновен и смогу это доказать. Спокойной вам ночи, тётушка, я хочу пойти подышать свежим воздухом

– Да уж, хорошо ты подметил – спокойной. Очень спокойной, милый мой, – грустно усмехнулась Анна Васильевна. – Ступай с Богом.

***

Всю ночь лил дождь, барабаня по крыше и заглядывая в окна. Не успокоился он и к утру. Ветер бросал в лицо сорванные им листья, словно сейчас был сентябрь, а вовсе не май. Занимался рассвет, и на серых тучах появился лёгкий румянец восходящего солнца.

На душе у станового пристава Сафонова было беспокойно, и дело было вовсе не в разбушевавшейся стихии. Он знал

семью Верховских довольно давно, и что за время их знакомства только ни происходило: то утопится служанка, то украдут жемчужное кольцо у Анны Васильевны... Однако же убийство дворянина в его голове никак не вязалось с этими милейшими людьми.

– Приехали, Андрей Петрович, – сказал, взглянув в окно, урядник Филимонов. Они вышли из экипажа и прошли по дорожке, усыпанной щебнем, напрямиком к дому.

Сафонов был коренастым жилистым мужчиной тех лет, что обычно называют золотой осенью жизни. На его тонких губах извечно играла усмешка – то ли ироничная, то ли потечески ласковая. Внешне становой пристав был бы ничем не примечателен, если бы не его огромные оттопыренные уши. В юности Андрей Петрович, признаться честно, ужасно их стеснялся, однако с годами по привычке и даже полюбил свою особенность.

Когда пристав в сопровождении своего помощника вошёл в дом, никто уже не спал. У порога его встретил Владимир Борисович, и они втроём прошли в гостиную, где собрались все гости имения.

Софья Константиновна, бледная и заплаканная, сидела в кресле, уронив голову на руки; неподалёку стояли, оживлённо беседуя о чём-то, Павел и Алексей. Марья взволнованно прохаживалась по комнате. Юлия Михайловна негромко переговаривалась с Анной Васильевной. Завидев полицейских, все затихли.

– Я бы сказал вам, дамы и господа, «доброе утро», но боюсь, что оно вовсе не доброе. Сразу после того как я осмотрю место преступления, мы немного побеседуем, – Андрей Петрович направился к комнате покойного.

– Пойдите! Я хотел кое-что сказать вам, – бросил ему вдогонку Павел.

– После того, как мы осмотрим комнату, если вы не возражаете, – обернулся пристав.

Реутов пожал плечами, и полицейские зашли в спальню покойного, заперев за собой дверь.

В томительном ожидании прошло около получаса. Алексей встал у окна и то и дело поглядывал на Софью, не решаясь подойти.

– Я очень надеюсь, что это сделал кто-то из посторонних... Разве может убийца находиться среди нас? Искренне верю, что Андрей Петрович как можно скорее найдёт преступника, – взволнованно проговорила Анна Васильевна.

– Им не придётся искать, – равнодушно ответила Софья, – не придётся.

– О чём вы говорите, Софья Константиновна? – удивлённо глядя на новоиспечённую вдову, спросила Юлия Михайловна.

– Всё очень просто. Разумеется, меня обвинят, как в детективных романах. А кто, если не я, кто мог это сделать? Самая логичная версия, – она нервно усмехнулась. – Мне ведь даже никто из вас не верит. А я не убивала, я... – она

замолчала, пытаясь сдержать подступившие слёзы.

– Не беспокойтесь, Софья Константиновна. Даже если вы и убили его, то вы были не одни, – заговорил молчавший до того Павел. – Я успел осмотреть тело и кое-что понял.

– Что? – спросили хором Софья и Алексей.

– Я заметил, что его роговица высохла, но кровь была ещё совсем свежей, следовательно, когда в Дмитрия Сергеевича стреляли, он был мёртв уже около часа или двух.

Глава 2

– Но кому это может быть нужно? – с ужасом спросила молодая вдова.

Все взгляды были прикованы к Павлу.

– Об этом мы узнаем позже, – раздался хриловатый бас Андрея Петровича, стоявшего в дверях. – А вы, должно быть, врач? – обратился пристав к Реутову.

– Да, однако более теоретик, чем практик. К слову, это и было тем, что я хотел сообщить вам, – ответил Павел.

– Что же, благодарю за ценную информацию, – кивнул пристав. – А сейчас я предлагаю побеседовать. Владимир Борисович, не могли бы вы предоставить нам какую-нибудь комнату для этого дела?

– Конечно. Я думаю, мой кабинет может подойти. Пройдёмте, я провожу вас.

Минуту спустя Павел и Андрей Петрович сидели в креслах за столом друг напротив друга, а урядник Фёдор Иванович примостился на стуле, приготовившись записывать всё, что скажет свидетель.

– Итак, я буду чрезвычайно благодарен вам, если вы немного расскажете о себе. Как вас зовут, сколько вам лет, откуда вы, где получали образование, служите ли – следствию будет важна любая информация.

– Меня зовут Павел Реутов, мне двадцать четыре года, я

учился в Императорском Московском университете, планировал стать военным врачом, как и мой отец, но после его смерти, царствие ему небесное, я принял решение остаться в нашем имении с матерью и сестрой.

– Где сейчас ваши мать и сестра?

– Они приехали со мной, и, думаю, вы скоро побеседуете с ними.

– Чудесно, чудесно... А что касается ныне покойного? Вы были с ним знакомы ранее? В каких отношениях состояли?

– Мы впервые встретились здесь, на балу. Признаться честно, – Павел замялся, – Дмитрий Сергеевич мне вовсе не понравился. То ли он показался мне чересчур заносчивым, то ли просто по какой-то причине был неприятен мне... Именно поэтому, когда он попросил быть его секундантом, я отказался.

– Секундантом? Позвольте, я, кажется, чего-то не знаю.

– Да, простите. Дело в том, что Дмитрий Сергеевич вызвал Алексея Николаевича на дуэль. Я понимаю, что это незаконно, но... Они несколько повздорили.

– Вам наверняка известна причина их ссоры, так ведь?

– Помилуйте, об истинной причине я могу только догадываться. Вы человек хваткий и вовсе не глупый, и наверняка поймёте всё сами.

– Но всё же я бы очень хотел услышать это именно из ваших уст.

Павел помедлил, а затем сказал:

– Алексей Николаевич проявляет излишний интерес к Софье Константиновне, теперь уже вдове Дмитрия Сергеевича. Могу предположить, что ссора произошла именно на этой почве.

– Занятно, занятно... Но откуда у вас такая версия?

– Достаточно посмотреть на них, когда они рядом. Искры летят, – Павел усмехнулся.

– Что же, благодарю вас. Позвольте последний вопрос – чем вы занимались вчера ночью, скажем, с часу до четырёх?

– Пытался уснуть, а после вышел в сад, должно быть, в третьем часу.

– Может ли кто-то подтвердить ваши слова?

– Наверняка кто-то из горничных видел меня, когда я выходил.

– Чудесно. В котором часу вы приехали сюда на бал? Я имею в виду, раньше или позже четы Елизаровых?

– Неужели это так важно? – в голосе Павла почувствовалось раздражение.

– Очень, очень важно. Если бы вы приехали раньше и узнали, в какой комнате будут гостить Елизаровы, то вам бы не составило труда зайти к Дмитрию Сергеевичу и добавить куда-либо яд.

– Он был отравлен? Быть может, это был просто сердечный приступ?

– Пока это всего лишь предположение, но вскрытие покажет. Так что насчёт моего вопроса?

– А что если я его застрелил? – Павел расхохотался.

– Вы врач, и сразу бы поняли, что он мёртв, а умные люди, как правило, стараются стрелять по живым, – невозмутимо ответил Андрей Петрович.

– Сочту это за комплимент. Но зачем же мне было травить Дмитрия Сергеевича?

– А это мы узнаем позже. Я жду вашего ответа: приехали вы раньше или позже четы Елизаровых?

– Мы с матерью и сестрой приехали раньше.

Пристав кивнул головой и сказал:

– Что же, благодарю за нашу беседу и не смею вас больше задерживать. До скорой встречи.

Мужчины распрощались, урядник Филимонов пошёл за следующим подозреваемым, и вскоре в кабинет вошла Софья Константиновна, облачённая в тёмно-коричневое платье – вероятно, траурным она пока не успела обзавестись.

– Здравствуйте. Прошу вас, присаживайтесь. Выражаю вам свои соболезнования. Да не оставит вас Господь в эту непростую минуту.

– Спасибо, – тихо ответила Софья.

– Я буду премного вам благодарен, если вы немного расскажете о себе.

– О, в таком случае это будет долгая история... Что конкретно интересует вас?

– Всё, что вы считаете нужным. Об остальном я спрошу сам.

– Я – Софья Константиновна Елизарова, урождённая Лазарева. Моя мать была богатой мещанкой, а отец – обедневшим дворянином. В шестнадцать лет я вышла замуж за покойного Дмитрия. Мы прожили в браке девять лет.

– Благодарю за ответ. Теперь же позвольте вернуться к настоящему. Чем вы занимались этой ночью, скажем, с часу до четырёх?

– Я была в комнате. Кажется, пыталась уснуть. Да, я пыталась уснуть, – по лицу Софьи пробежала тень.

– Кто-то может подтвердить ваши слова?

– Дмитрий мог бы, – она тяжело вздохнула.

– Позвольте задать вам странный вопрос, Софья Константиновна.

Женщина слегка кивнула.

– Что вы столь тщательно пытаетесь скрыть от меня на своей шее?

– Пытаюсь скрыть? Почему вы так решили?

– Вы поправляете воротник каждые несколько секунд, и в эти моменты по вашему лицу становится ясно, что вам больно. Смею поинтересоваться, почему.

– Чего вы добиваетесь, Андрей Петрович? – голос молодой вдовы задрожал от возмущения.

– Простите мне моё любопытство. Я лишь хочу узнать, что служит этому причиной – тому обязывает моя профессия.

Руки Софьи скользнули по ткани платья, открывая тёмно-фиолетовые следы вокруг тонкой шеи. Пристав отпрянул.

– Простите, я вовсе не хотел...

– Думаю, вы понимаете, что это и откуда. Он ужасно ревнив... Был ужасно ревнив, – её губы тронула печальная усмешка. – Я вышла замуж против воли родителей, потому что любила, очень сильно любила... Но не Дмитрия, а того, каким я представляла его. Настоящий же мой супруг оказался совершенно другим человеком. И зачем я всё это вам рассказала? Ну что же, теперь вы подозреваете меня ещё больше.

– Напротив, если вы не стали лгать, то, вероятно, ваша совесть чиста, по крайней мере, мне очень хочется в это верить. Итак, это значит, что вы не совсем пытались уснуть, так ведь?

– Верно. Дмитрий был нетрезв, он... – Софья замолчала. – Я заперлась в своей комнате и ждала, когда он успокоится. К часу Дмитрий пошёл спать, а я просто лежала на постели. Ближе к четырём часам я услышала какие-то звуки и решила проверить, всё ли в порядке. Сначала я взглянула в замочную скважину, но увидела, что мой супруг сидит в кресле. Тогда меня охватила смутная тревога, и я решила проверить, что же там шумело. Дальше, думаю, вы всё знаете.

– Значит, вы могли зайти к нему в любое время. Один лишь выстрел, и все мучения закончены. Занятно, занятно.

– О чём вы? Я же сказала вам правду! Неужели вы подозреваете меня в убийстве собственного мужа?!

– Я подозреваю всех, Софья Константиновна, всех до еди-

ного. Я хотел бы ещё немного расспросить вас о покойном Дмитрие Сергеевиче, если вы не будете против.

На лице Софьи промелькнуло выражение разочарования и тревоги, и она вымученно, неестественно вежливо сказала:

– Безусловно, я постараюсь ответить на все ваши вопросы.

– Ваш муж, кажется, владел несколькими предприятиями, и, следовательно, неплохим состоянием. Кому оно достанется по завещанию?

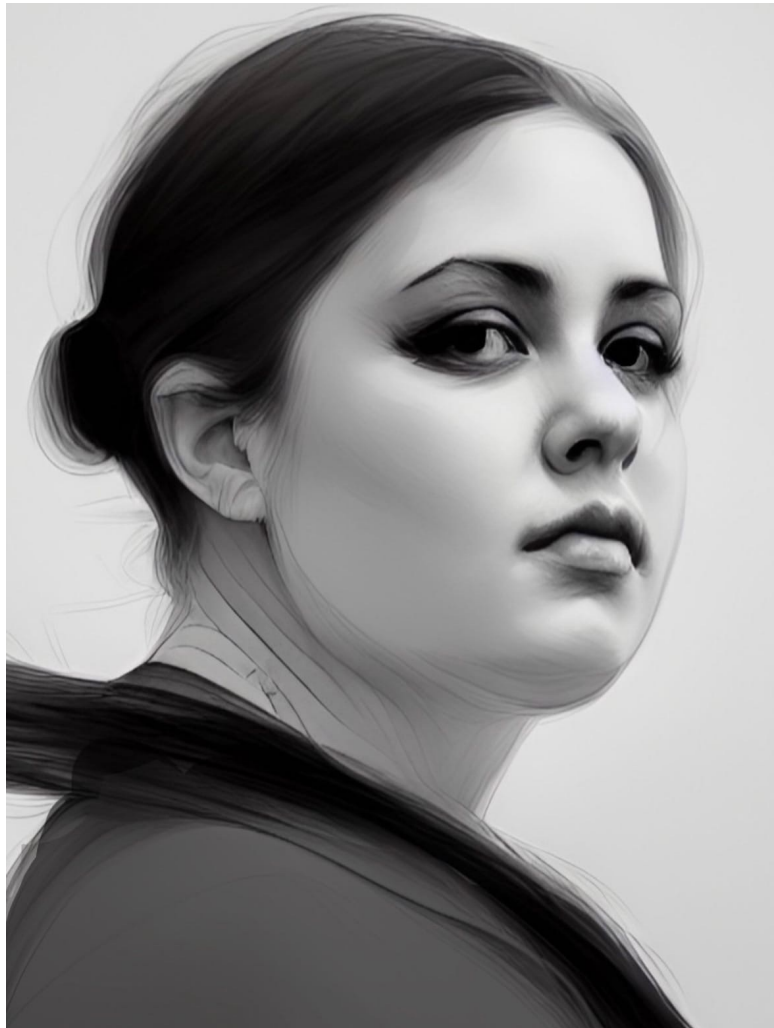
– Какая-то часть пойдёт на благотворительность, какая-то перейдёт его двоюродному брату, остальные же деньги получу я, – она замолчала, а затем, горько усмехнувшись, продолжила: – А вам вот и второй мотив. Как удобно, не правда ли?

Пристав кивнул.

– А что касается поведения Дмитрия Сергеевича незадолго до смерти? Вы не заметили чего-либо необычного?

– Кроме того, что он был просто в бешенстве, когда узнал, что я танцевала с Алексеем Николаевичем... Должно быть, ничего. Хотя нет, постойте – до этого он словно был чем-то очень доволен.

– Доволен, потом невероятно зол – часто ли с ним случались такие перемены

Софья Константиновна Елизарова
настроения?

– Да, очень часто.

– И последний вопрос, Софья Константиновна: вы кого-либо подозреваете? Быть может, у покойного были враги, недоброжелатели?

– Дмитрий никогда не посвящал меня в свои дела, так что, боюсь, я не смогу ответить на этот вопрос, – Софья замолчала, а затем робко спросила: – Андрей Петрович, когда я смогу забрать тело?

– После того, как придут результаты экспертизы. Мы отправили его в город несколько часов назад. Вы приняли решение похоронить вашего покойного супруга здесь?

– Не думаю, что у меня есть другой выход. Вы не могли бы посоветовать кого-то, кто мог бы помочь в этом скорбном деле?

– Безусловно, Софья Константиновна, безусловно. Вечером Фёдор Иванович проводит вас к отцу Иоанну, нашему приходскому священнику.

– Я буду очень признательна.

Пристав кивнул и сказал:

– Что же, благодарю за откровенность и не смею вас более задерживать, – сказал Сафонов, а затем обратился уже к Филимонову:

– Фёдор Иванович, попросите-ка господина дуэлянта.

Софья побледнела ещё сильнее и, стараясь не выдать волнения, быстро вышла из кабинета. Урядник последовал за ней.

Вскоре в импровизированную допросную вошёл Алексей.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич, здравствуйте! Анна Васильевна много рассказывала о вас, очень рад нашему знакомству, – поприветствовал его Сафонов.

– Здравствуйте. Благодарю, это взаимно, – сухо ответил Якунин.

– Так как я о вас довольно много знаю, предлагаю перейти сразу к делу. Насколько я знаю, с покойным вы не ладили.

– Я знал его давно, но никаких дружеских чувств к нему никогда не питал. О нашей ссоре в саду вам наверняка уже донесли.

– В таком случае, вы, должно быть, хотите рассказать мне о её причине?

– Видите ли, Андрей Петрович, я имел дерзость пригласить на танец жену этого достойного во всех отношениях господина, тому что-то почудилось, и он решил выместить гнев на Софье Константиновне. Я не мог не вступить за неё, ведь если мы в чём-то и провинились, то вина должна была быть на мне. С Дмитрием Сергеевичем мы повздорили, и он вызвал меня на дуэль.

– Вы должны были сообщить об этом в суд.

– Вы прекрасно знаете, что моё воспитание никогда бы не

позволило совершить это.

Пристав пожал плечами и спросил:

– Чем вы занимались ночью, с часу до четырёх?

– Пытался уснуть.

– Да что же это такое! Кажется, здесь этой ночью не спал абсолютно никто. А кто мог бы подтвердить ваши слова?

– Пожалуй, никто.

– Занятно, очень занятно... То есть у вас был и мотив, и возможность убить Дмитрия Сергеевича, не так ли?

– Если бы я хотел убить его, то сделал бы это двумя днями позже, на дуэли. Прошу вас не оскорблять меня подобными подозрениями – я офицер, и никогда бы не поднял руку на беззащитного человека.

– Почему же вы решили, что он был беззащитен?

– Я видел, в какой позе он находился, когда мы все прибежали на крик Софьи Константиновны. Судя по всему, он либо спал, либо был сильно пьян.

– Благодарю, я понял вас. До скорой встречи, Алексей Николаевич, до скорой встречи.

– До свидания, – всё столь же сухо ответил Якунин, выходя из комнаты. Филимонов проследовал за ним и вскоре вернулся в компании Реутовых, старшей и младшей.

– Рад приветствовать вас, сударыни. Кто я такой, полагаю, вам уже известно. Вас зовут, – обратился он к даме, – Юлия Михайловна?

– Всё верно, Андрей Петрович. Хочу представить вам мою

дочь – Марью Александровну.

– Рад знакомству. Присаживайтесь, прошу вас. Я буду очень признателен, если вы ответите на несколько вопросов.

– Вопросов? Разве вы подозреваете нас в чём-то?

– Юлия Михайловна, я не в первый раз сталкиваюсь с убийством. Поверьте, вначале я вынужден подозревать даже стены.

Старшая Реутова презрительно хмыкнула, а затем гордо сказала:

– Ну что же, спрашивайте.

– Как давно вы были знакомы с Дмитрием Сергеевичем? Ваш сын, Павел, кажется, говорил, что впервые вы встретились здесь, не так ли?

– Да, это правда.

– Маменька, вы же говорили, что Дмитрий Сергеевич... – подала голос молчавшая до того Марья. Это была высокая белокурая девушка с голубыми глазами, невероятно похожая на херувимчика с рождественских открыток. «Образец юности, невинности и наивности», – подумал Сафонов.

– Мне просто показалось, – с натянутой улыбкой сказала Юлия Михайловна.

– Занятно, занятно... Позвольте узнать, чем вы занимались ночью, примерно с часу до четырёх?

– Я спала, и Маша тоже.

На болезненно бледном лице девушки зарделся румянец.

– Благодарю вас, Юлия Михайловна. Смею попросить у

вас разрешения побеседовать с Марьей Александровной наедине.

– О чём вы говорите?! У моей дочери нет от меня секретов!

– И всё же я вынужден настаивать на этом.

– Что же, если это так уж необходимо... – недовольно ответила женщина, презрительно поморщившись.

– Полагаю, Марья Александровна, вы занимались чем-то более интересным, чем сон, не так ли? – спросил Сафонов у девушки, когда её мать вышла.

Марья Александровна Реутова

– О чём вы? Маменька же сказала вам, что мы обе спали. Сафонов молчал, постукивая пальцами по столу.

– Я... я просто гуляла по саду, где-то в районе трёх. Но это же вовсе не значит, что я убийца!

– Интересно, в Воронежской губернии принято так поздно выходить в сад?.. Но, конечно, это ничего не значит. Будьте осторожны с ночными прогулками впредь, Марья Александровна – под одной крышей с вами живёт преступник, и вполне возможно, что он не один. Тем более, что все люди разные, и о вас могут неправильно подумать, – последнюю фразу пристав произнёс как-то тепло, по-отечески. – К слову, вы никого не встретили, когда были в саду?

– Нет, совсем никого.

– Вы уверены в этом?

– Абсолютно.

– Я понял вас. Благодарю за беседу, до скорой встречи.

– До свидания.

– Ну что же, Фёдор Иванович, – сказал Андрей Петрович своему помощнику после того, как они остались наедине, – пришло время побеседовать с хозяевами дома.

Спустя несколько минут Анна Васильевна и Владимир Борисович расположились в креслах.

– Поверить никак не могу... В моём доме произошло

убийство! – срывающимся голосом воскликнула хозяйка имения.

– Всё бывает в этой жизни, Анна Васильевна, всё. Позвольте ли вы задать вам несколько вопросов?

– Безусловно. Я готова сделать всё, лишь бы этот негодяй был найден. Надеюсь, вы не считаете, что это сделал кто-то из моих гостей? Наверняка это был кто-то посторонний, не так ли?

– Я осмотрел место преступления, Анна Васильевна, и пришёл к выводу, что убийца, или, быть может, убийцы, из числа либо слуг, либо гостей. Постороннему было бы очень непросто проникнуть сюда, не оставив никаких следов, которых я найти не смог. Есть ещё один вариант – негодяй мог сдружиться с кем-то из слуг, и, используя эту связь, попасть в дом, однако не станем гадать – допрос прислуги покажет всё.

– Какой кошмар! Нет, я уверена, что это был посторонний.

– Прошу вас, давайте как можно скорее перейдём к делу. Скажите, почему вы решили предложить гостям остаться на ночь?

– Я очень давно не видела своего племянника, и, думаю, тут всё очевидно. Чету Елизаровых мы знаем давно и находимся с ними в прекрасных отношениях, поэтому мы и предложили им остаться.

Владимир Борисович кивнул.

– Что же касается Реутовых, – продолжила Анна Васи-

льевна, – то мне хотелось поддержать Юлию Михайловну в столь непростой для неё ситуации.

– Позвольте узнать, что случилось? Она ничего не говорила об этом.

– Её муж покончил с собой, должно быть, месяца три назад. Жуткая история... Я узнала об этом не так давно, поэтому и подумала, что ей будет полезно развеяться. Их семья, разумеется, ещё не сняла траур, но всё же решила поздравить меня лично. Никто из них, конечно, не танцевал, они просто ожидали конца бала в гостиной. Потом мы хотели провести время вместе, но... – Анна Васильевна отвела взгляд, а затем сухо продолжила:

– Тем более, моему Алёше уже пора жениться, а у Юлии Михайловны подросла прелестная дочь.

– Занятно, занятно... А что касается Дмитрия Сергеевича? Как давно вы с ним знакомы?

– Около десяти лет, должно быть. Он жил по соседству, вёрст за тридцать отсюда.

– Замечательный был человек... А как он был умён! Мало таких осталось среди молодёжи, очень мало, – подал голос Владимир Борисович. – Жаль его. Скорее бы убийца был найден!

– Мы непременно найдём его, Владимир Борисович. К слову, чем вы занимались этой ночью, с часу до четырёх?

– Мы оба спали, – молниеносно ответила за супруга Анна Васильевна.

– Чудесно. И последний вопрос: есть ли что-то, что вы хотели бы мне сказать? Быть может, вы заметили что-то необычное, или же я не спросил вас о чём-то важном?

– Пожалуй, нет.

– Благодарю вас.

– Быть может, вы останетесь у нас, чтобы найти убийцу как можно быстрее? – предложила хозяйка дома.

– Я был бы очень рад, ведь это и правда помогло бы нам в расследовании.

– В таком случае, я немедленно распоряжусь приготовить для вас комнату, – с этими словами Анна Васильевна вышла из кабинета, и Владимир Борисович проследовал за ней.

– Как по мне, Андрей Петрович, убийца – Софья Константиновна, – сказал урядник, когда они с приставом остались одни.

– Почему вы так решили?

– Любить опасно. Из-за этого убивают. А что думаете вы?

– К выводу я пока не пришёл, однако идея у меня есть.

Подозреваемых, дорогой Фёдор Иванович, мы с вами можем мысленно разделить на две группы: те, у кого были и повод, и возможность, как, к примеру, у Алексея Николаевича и Софьи Константиновны, и те, у кого была возможность, но не было повода, или, по крайней мере, мы о нём пока не знаем. Теперь же наша задача представить, что каждый из них является преступником, и, исходя из этого, изучить их мотивы и алиби. Тогда-то мы и сможем судить, кто убийца, но поче-

му-то мне кажется, что это будет не так-то просто.

Глава 3

– Андрей Петрович, я думаю, что нам необходимо допросить прислугу, – после недолгой паузы сказал урядник.

– Безусловно, Фёдор Иванович, безусловно. Предлагаю сделать это прямо сейчас. Вы справитесь без меня? Пока мне бы хотелось немного подумать, иначе я могу потерять нужную мысль. Быть может, вы сочтёте это странным, но уверен, что убийцу надо искать среди гостей.

– Конечно. В таком случае, я постараюсь в точности рассказать вам обо всём, что узнаю, – совершенно не удивившись, ответил Филимонов.

Урядник вышел из кабинета, а пристав погрузился в размышления, то и дело заглядывая в записи допроса. Мысли вихрем кружились в голове, и Сафонов щёлкал пальцами, пытаясь сосредоточиться. Он даже не заметил, как прошло довольно много времени.

– Фёдор Иванович, вас, судя по всему, обучала писать курица? – спросил Андрей Петрович, услышав скрип открывающейся двери и тяжёлые шаги своего подчинённого.

– Нет, – урядник, казалось, ни капли не удивился: он давно привык к подобным вопросам.

– Странно. Вы так ужасно пишете, что я, в самом деле, решительно ничего не могу разобрать! – пристав устало вздохнул. – Ладно, что там у вас?

– Я допросил трёх горничных, двух кухарок, судомойку, сторожа и садовника. В ту ночь здесь, в барском доме, как называют его слуги, были лишь горничные Авдотья и Дарья да судомойка Прасковья. Вся остальная прислуга находилась в пристройке, кроме сторожа Игната, который сидел в сторожке и нёс свою службу.

– Занятно, очень занятно. Вы, конечно же, не узнали ничего интересного. У горничных и судомойки есть алиби, я прав?

– Да, Прасковья мыла посуду, а Авдотья с Дарьей помогали дамам готовиться ко сну. Слова судомойки никто подтвердить не может, в отличие от горничных.

– Что же, прекрасно. В любом случае, благодарю вас.

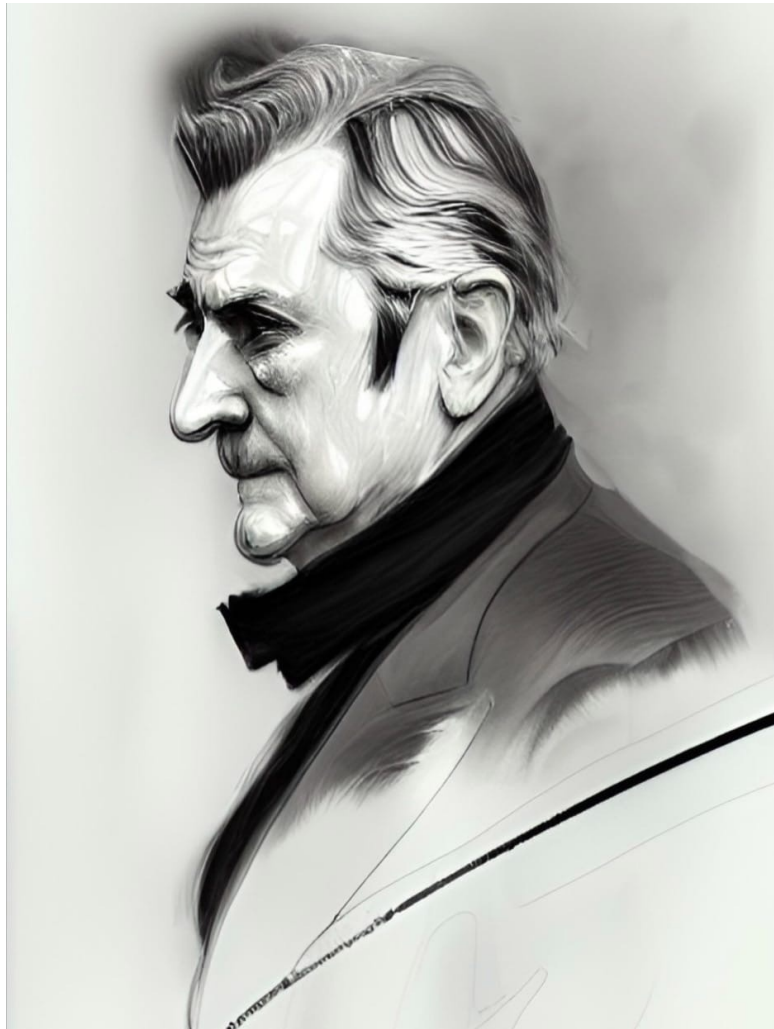
Оба замолчали.

– Андрей Петрович, у вас есть какие-то идеи? – наконец негромко спросил урядник.

– Есть, конечно же, есть. Я с точностью могу сказать, что нам с вами навешали лапши на уши. Взять хотя бы Реутовых: во-первых, мне вполне ясно, что Юлия Михайловна либо была знакома с покойным ещё до бала, либо что-то о нём знает. Вы, я полагаю, сами видели, как она разозлилась на Марию Александровну, когда та сказала лишнего.

– Быть может, она просто испугалась, что вы начнёте её

подозревать?

Становой пристав Андрей Петрович Сафонов

– Не думаю, Фёдор Иванович. Однако, ничего, что могло бы подтвердить её вину, у меня нет, так что покажет только время. Я уверен, что совсем скоро мы узнаем много интересного. К слову, второе, что я могу сказать – Павел и Марья... кто-то из них непременно лжёт. Вы помните: Марья Александровна сказала нам о том, что никого не видела во время своей прогулки, а это значит, что в саду был кто-то один: она или Павел. Что же касается Софья Константиновны, то сдаётся мне, что мы многого не знаем о ней – как говорится, в тихом омуте черти водятся. Анна Васильевна тоже, вероятнее всего, что-то скрывает, и, как мне кажется, это может быть связано с Алексеем Николаевичем. Но все мои размышления – полнейшая ерунда без результатов вскрытия, которым, как мне кажется, уже пора быть готовыми. Ну что же, будем ждать.

В ещё недавно столь шумной гостиной теперь было тихо. Якунин осмотрелся и увидел Софью, стоящую у окна. Она облокотилась о подоконник, глядя вдаль и явно находясь мыслями где-то далеко. Тонкие пальцы нервно постукивали по дереву, словно играя на пианино. Алексею хотелось заговорить с ней, но слова будто бы застревали в горле. Впервые в жизни он, всегда смелый, даже излишне, чувствовал волнение и стеснение.

– О чём Андрей Петрович говорил с вами? – наконец спросил Якунин, подойдя чуть ближе.

– А о чём можно говорить со вдовой убитого? – с печальной усмешкой поинтересовалась Софья, обернувшись. Под её глазами залегли красноватые тени – следы бессонной ночи и недавних слёз. – Разумеется, задавали разные вопросы: что я делала, не видела ли чего-то странного; пытался, наконец, отыскать мой мотив, а в итоге... в итоге нашёл целых два. Я ни капли не сомневаюсь, что теперь он считает меня убийцей собственного мужа. Кто бы подумал, что со мной может такое случиться! – она улыбнулась, но в этой улыбке чувствовалось столько горя, страха и отчаянья, что Алексею стало не по себе.

– Софья Константиновна, я... – он осекся, глядя на молодую вдову. Чёрные глаза, полные слёз, россыпь родинок на

фарфоровой коже, тёмный локон, выбившийся из причёски – всё это было столь прекрасным и манящим, что опьяняло Алексея, и лишь одно желание было в его голове – подойти ближе, прикоснуться к Софье. Один маленький шаг в её сторону, и Алексей, тоже облокотившись о подоконник, словно невзначай дотронется прелестной маленькой ручки.

Софья вздрогнула и испуганно взглянула на мужчину. Жар. Он, словно тёплый мёд, разливался по её телу, и тревога отступала, становилось спокойно и хорошо, а вместе с тем против её воли прибавлялось приятное волнение.

– ... я бы очень хотел помочь вам, но совершенно не знаю как. Скажите, что я могу сделать для вас? – вкрадчиво проговорил Алексей.

– Благодарю вас, однако, боюсь, ничего. Мне кажется, нам вообще не стоит надолго оставаться наедине – о нас могут неправильно подумать.

– Конечно, – печально усмехнувшись, сказал Якунин. – Но всё же, если я смогу принести вам хоть какую-то пользу, прошу – скажите мне об этом.

– Благодарю вас, – сказала Софья, улыбнувшись.

Она, попрощавшись, отошла от окна, и, проходя мимо Алексея, слегка задела его ладонь своей, задела словно нарочно, словно ей тоже хотелось дотронуться до него.

Тик-так. Тик-так. Проклятые часы!.. Алексей сидел на кровати в своей комнате, уронив голову на руки и массируя виски. Что это был за порыв? Почему он почувствовал то же самое, что и тогда, за десять лет до этого, или же с Катей, три месяца тому назад?..

Он знал, что это чёртово письмо, здесь, в шкафу, как знал и то, что не сможет избавиться от него, не сможет сжечь, как поступил с остальными её письмами. Вот оно, на верхней полке! Алексей взял конверт в руки, бережно открыл его, достал лист и принялся читать строки, которые, казалось, уже знал наизусть.

Алексей Николаевич,

признаться честно, я совершенно не знаю, зачем пишу вам, почему позволяю себе такие мысли и слова, но бумага не краснеет. В сердце моём буря; я ни на секунду не могу сомкнуть глаз без того, чтобы не увидеть вашего лица. О, если бы вы только могли оказаться рядом! Я мечтаю лишь об одном – снова коснуться вашей руки, снова услышать ваш голос. Вы стали смыслом моего существования, моим светом, лучом солнца в дождливый день. Если вы ничего не испытываете ко мне, или, быть может, в вашем сердце другая, прошу, скажите мне правду, а после сожгите это письмо

мо. Но если же вы любите меня столь же сильно, как и я вас, если же вы ещё не посчитали после всего написанного выше меня глупой и дурно воспитанной, молю: встретимся завтра в саду, у беседки, в пять часов вечера – папенька и маменька будут на приёме, и мы сможем поговорить. За этим прощаюсь с вами, уповая на ваше благочестие.

Навеки ваша,

Катя.

Какая же это была глупость – связаться с ней, доверить все самые сокровенные тайны и мечты! Как он был наивен тогда и как жалок сейчас!.. Воспоминания мелькали, словно в калейдоскопе. Светло-русые локоны и серые глаза, прикосновения нежных рук, манящие губы, розовое платье с рукавами жиго, шляпка, украшенная цветами, девичий смех, похожий на звон колокольчика... А потом её насмешливая, холодная улыбка, брошенная перчатка, оглушительно громкий выстрел и темнота. Да, он проиграл на той дуэли, но не сопернику, а своей гордости. Какой это был для него стыд – быть раненным, взять отпуск, уехать в глушь к тётушке, повесив голову...

Признаться, он не гнушался заводить романы с замужними дамами. А что на этот раз? Женщина, которую он боготворил, на которой хотел жениться, сделала его жалким роганосцем, и, как бы глупо это ни звучало, растоптала, уничтожила. Алексей печально усмехнулся. Да уж, Купидон его явно недолюбливал – Софья, Катя...

Нет, он ни за что не повторит свою ошибку вновь. И зачем только потребовалось ломать эту комедию с Софьей? Сомнения терзали, но где-то в глубине души он понимал, что чем бы всё ни закончилось, эта игра будет стоять свеч.

Так, слушая, как дождь барабанит по крыше, Якунин просидел, должно быть, около получаса, пока из размышлений его не вырвала Анна Васильевна.

– Алёша, не хочешь немного прогуляться? – спросила она, входя в комнату.

– С радостью, тётушка. Мы пойдём вдвоём, или дядюшка присоединится к нам?

– К нам присоединится не только твой дядюшка, но и Юлия Михайловна с Марьей Александровной, а также Софья Константиновна. Нам всем стоит немного развеяться.

– А Павел Александрович?

– И он, разумеется.

– Что же, чудесно. В таком случае, я переоденусь и приду в гостиную.

Спустя несколько минут они уже были в саду. Только-только занималось лето, воздух был приятно прохладен. Буйство ароматов после недавнего дождя опьяняло. С листьев цветущих яблонь падали капли, оставляя круги на лужах. Вся компания оживлённо беседовала, и лишь Софья шла в стороне. Алексей хотел было подойти к ней, но что-то остановило его: то ли застенчивость, которой он отроду не страдал, но сейчас она по какой-то неясной причине появи-

лась, то ли тётушкина просьба поговорить с Марьей Александровной. Чувствуя выжидающий взгляд Анны Васильевны, он, стараясь подавить нарастающее раздражение, подошёл к девушке.

– Невероятно странная погода сегодня, не находите? То ли просто дождь опять пойдёт, то ли второй потоп случится.

– Как вы можете говорить о погоде, Алексей Николаевич? В доме произошло убийство! Поверить не могу! Как всё это ужасно! Бедный Дмитрий Сергеевич!.. – тонкий голосок Марьи дрожал, в нём чувствовались слёзы.

– На вашем месте, Марья Александровна, я бы жалел не мёртвых, а живых. Мы все теперь под подозрением – вот в чём весь ужас, – печально усмехнувшись, сказал Якунин.

– Да, это просто катастрофа.

– Катастрофа, не катастрофа... Так или иначе, он когда-нибудь бы умер. Не надо раздувать трагедию на пустом месте, – вмешался в разговор незаметно подошедший Павел.

– Паша, прекрати! Если бы он умер, скажем, от болезни или от несчастного случая, то на то была бы Господня воля, а здесь его подло убил кто-то, кто возомнил себя Богом.

Реутов закатил глаза.

– Тебя переубедить, я вижу, бесполезно. Человек способен сам вершить свою и чужую судьбу, а ты всё твердишь о провидении. Ладно, оставим это. Так или иначе, я уверен, что смерть Дмитрия Сергеевича непременно принесла кому-то выгоду. После него осталась молодая и красивая, а те-

перь наверняка ещё и хорошо обеспеченная вдова, Софья Константиновна. Лакомый кусочек, не правда ли? – язвительно усмехнулся Павел.

– Вы решили жениться, Павел Александрович? – холодно и спокойно поинтересовался Алексей.

– Что вы, помилуйте! Уверен, что среди нас есть куда более достойные претенденты, а моё сердце уже занято другой.

– Поверить не могу! Неужели ты об Анастасии Кирилловне? Она же замужем, Паша! Как тебе не стыдно говорить о своей порочной связи, да ещё и при Алексее Николаевиче?! – на прелестном личике Марьи читалось праведное возмущение.

– Прошу, не обращайтесь внимания, Алексей Николаевич – у моей сестрицы сегодня настроение поучать меня, – он рассмеялся. – Извините за нескромный вопрос, но есть ли у вас дама сердца? Интересуюсь из любопытства.

– Много было, – стараясь скрыть щемящую боль, небрежно бросил Алексей.

– Но наверняка одну забыть не можете, так ведь? – спросил Павел. В его глазах играли искры.

– Знали бы вы, что это была за женщина! Дьявол во плоти, – Якунин печально усмехнулся. – Однако же не будем об этом. Расскажите лучше о своей возлюбленной, Павел Александрович.

Мужчины беседовали ещё несколько минут, а Марья, закатив глаза, демонстративно ушла в комнату. Но вдруг Пав-

ла окликнула Юлия Михайловна, и тот направился домой, а Алексей подошёл к Софье.

– На улице сегодня очень хорошо, – слегка помявшись, проговорил он.

– Да, наконец-то прошёл дождь. В последние несколько часов до него было невероятно душно.

Они оба замолчали, глядя друг на друга. Софья смущённо отвела взгляд и негромко сказала:

– Вы тоже чувствуете это?

– О чём вы говорите?

– Пахнет цветами... цветами и смертью. Я боюсь, Алексей Николаевич. Я не хочу умирать сейчас.

– Позвольте, Софья Константиновна, я, кажется, чего-то не понимаю. Почему вы вдруг заговорили о своей смерти?

– Меня подозревают в убийстве собственного мужа. Стоит им только доказать мою вину... А что бы вы предпочли, Алексей Николаевич: каторгу или смерть? – она горько усмехнулась.

– Я верю, что вы не убивали Дмитрия Сергеевича, а посему вам ничего не грозит.

– А Андрей Петрович? Он в это верит? Моя жизнь ведь в его руках.

– Я докажу, что вы невиновны, чего бы мне это ни стоило. Я найду убийцу. Прошу, доверьтесь мне!

– Почему вы так хотите спасти меня, Алексей Николаевич? Вас ведь тоже могут начать подозревать!

Позади послышался шорох. Софья резко обернулась, подол её платья зацепился о ветку. Миг, и она с громким вскриком упала. Услышав шум, все бросились к ней.

«Verdammt!»³ – выругалась про себя Софья и прошептала: – Нога... очень больно.

– Давайте вернёмся домой. Там мой сын осмотрит вас. Вы сможете идти? – с притворным участием поинтересовалась Юлия Михайловна.

– Я не знаю, надо попробовать, – невозмогая боль, сказала пострадавшая. Она попыталась подняться и вскрикнула.

– Быть может, вам помочь? Я мог бы донести вас, – предложил Владимир Борисович.

– Не стоит, дядюшка, у вас же больная спина! Я справлюсь, – вмешался Алексей.

– Должно быть, я ужасно тяжёлая... Простите, ради бога, что так вышло, – еле слышно проговорила Софья, когда Якунин поднял её.

– Не беспокойтесь. Ваша нога сильно болит?

– Порядочно. Спасибо.

Они замолчали, каждый не зная, что сказать. Лицо Алексея горело, а сердце, казалось, от волнения было готово выпрыгнуть из груди, и он чувствовал его удары всем телом. Разгорячённая плоть протестовала и совершенно не хотела подчиняться разуму, упорно твердящему, что взаимность Софьи – всего лишь иллюзия его больной фантазии, а свои-

---

³ Чёрт возьми! (пер. с нем.)

ми чувствами он погубит и себя, и её. Якунин тяжело и прерывисто дышал, стараясь успокоиться. Внезапно он почувствовал на себе взгляд. Софья испуганно смотрела на него, смотрела в упор. Стараясь преодолеть дрожь в голосе, Алексей спросил её:

– Софья Константиновна, что-то случилось?

– У вас в волосах запутался жучок. Могу ли я достать его?

– Да, безусловно. А вы не боитесь насекомых?

– Ужасно боюсь, но не позволить же ему поселиться в вашей причёске навечно? – она улыбнулась, и от этой улыбки повеяло тёплым золотым осенним вечером, а Алексею стало невероятно спокойно и хорошо.

Руки Софьи скользнули по шее, коснулись тёмно-кофейных волос. Насекомое рядом с ухом недовольно зажужжало и через секунду улетело. Боже, что творилось с Якуниным во время этого прикосновения!.. Обжигающе-огненная волна накатила на тело, окончательно переставшее подчиняться разуму, и он заглянул Софье в глаза. Что было в них? Страх? Волнение? Смущение? Или же, быть может, страсть? А главное, что бы он хотел увидеть в них? Алексей не мог дать себе правдивого ответа на этот вопрос.

Дорога до усадьбы показалась незаметной, несколько ступеней, дверей и перед ним уже предстала комната Софьи. Теперь Якунин опустил свою драгоценную ношу на кровать. Вокруг неё столпились все гости и хозяева имения.

– Бог мой, Софья Константиновна! Что произошло? – в

дверях появился запыхавшийся Павел.

– Она упала и, кажется, повредила ногу. Вы сможете осмотреть её? – спросил Алексей.

– Безусловно. Вынужден попросить мужчин покинуть комнату, и, чтобы Софье Константиновне было спокойнее, может ли кто-то из дам остаться здесь?

– Да, конечно, я могу, – предложила Анна Васильевна.

– Спасибо вам за помощь, Алексей Николаевич, – слабым голосом произнесла Софья.

Якунин, кивнув головой, удалился к себе.

Прошло, должно быть, около часа. Павел и Алексей сидели в кабинете Владимира Борисовича, сам же хозяин отлучился.

– Что вы думаете обо всём этом, Алексей Николаевич? Кто, по вашему мнению, убил Дмитрия Сергеевича? – спросил Реутов, стряхивая пепел от папиросы на коробку с надписью «С. Габай».

– Признаться честно, не знаю. А что думаете вы?

– Мой ответ прост, но, с моей точки зрения, наиболее вероятен. Убийца – наша милейшая вдова, Софья Константиновна.

– Почему вы так решили? – стараясь скрыть подступающий гнев и сдерживаясь, чтобы его слова не прозвучали слишком резко, поинтересовался Якунин. – И потом, мне кажется, что у вас недостаёт улики, чтобы обосновать ваше обвинение.

– Ошибаетесь, как раз-таки достаёт! Сегодня я проводил осмотр и заметил кое-что любопытное. На шее у Софьи Константиновны совсем свежие синяки, словно её душили, а запястья... на них длинные, продольные шрамы. Полагаю, ей есть, что скрывать.

Павел Александрович Реутов

Алексей почувствовал, что ему дурно. Не может быть! Из-за той ссоры в саду этот новопреставленный ублюдок мог убить Софью, а что было с ней в прошлом, страшно даже представить.

– Это не доказательства, – стараясь сохранять холодность в голосе, проговорил Якунин.

– Согласен, но лишней эта информация следствию не будет. К слову, позвольте заговорить о сокровенном, – наигранно вежливо произнёс Павел. – Я кое-что заметил: вы ведь испытываете нежные чувства к Софье Константиновне, не так ли?

– Что, простите? – прошипел Алексей. – Это наговор, совершенно ничем не подтверждённая клевета!

– А почему тогда вы так разозлились? Послушайте, не стоит никому лгать, ведь в этом нет ничего ужасного... разумеется, если вы не убивали Дмитрия Сергеевича.

– Павел Александрович, вы несколько раз оскорбили меня, – сквозь зубы проговорил Алексей, – что прикажете мне с этим делать?

– Помилуйте, я вовсе не хотел...

Распахнулась дверь, и в комнату почти что влетел Владимир Борисович с криком:

– Его отравили, а затем застрелили, только что сообщили результаты экспертизы. Ну и дела, представляете себе?

Воцарилась гробовая тишина, и лишь через пять минут её прервало сказанное хором «Ну и ну...»

Глава 4

В столовой Верховских было душно и неудобно. Единственными звуками, раздававшимися в комнате, было лишь лязганье столовых приборов, напоминающее Алексею звон кандалов, да стук дождя по оконному стеклу. Господа ужинали за длинным столом, а слуги сновали по большой зале.

– Пока вас не было, я провёл обыск. Ни орудия убийства, ни чего-либо другого, что могло бы помочь ходу дела, мы не нашли, – проговорил Андрей Петрович.

Воцарилась звенящая тишина. Каждому из присутствующих было не по себе от того, что их вещи осматривали.

– А где же Марья Александровна? – спросила Софья у Юлии Михайловны.

– Она не придёт, говорит, что плохо себя чувствует.

После того, как все пожелали Марье скорейшего выздоровления, пристав спросил у собравшихся:

– К слову, никто из вас ведь не слышал выстрела, не так ли?

– Была гроза, и он мог смешаться с раскатами грома, – робко предположила Юлия Михайловна.

– Судя по тому, что на виске трупа есть ожог, стреляли в

упор, но звук всё равно должен был быть! Странно это, очень странно.

И снова все замолчали, и снова Алексею стало не по себе.

– Произошедшее... произошедшее просто невыносимо! Два убийства одного и того же человека – это похоже на глупую комедию. Нет, я решительно отказываюсь верить в это! – прервав тишину, воскликнула Анна Васильевна и всплеснула руками. – Наверняка здесь какая-то ошибка!

– Никакой ошибки, Анна Васильевна, никакой ошибки, – с причмокиванием отрываясь от вкуснейшего рагу, заявил Андрей Петрович. – Совершенно точно установлено, что в стакане с водой, стоявшем на столе, была растворена смертельная доза цианистого калия. Так что, как и говорил Павел Александрович, сначала новопреставленный был отравлен, а после застрелен.

– А вдруг это было самоубийство? Быть может, Дмитрий Сергеевич сам принял цианид перед дуэлью с Алексеем Николаевичем? Он мог испугаться, в конце концов, – Юлия Михайловна резко замолчала, и её губы болезненно искривились, – такое случается.

– Это было бы совсем не в его характере, – подала голос Софья. – Дмитрий был в ярости, он отсчитывал минуты до момента, когда встретится на дуэли с Алексеем Николаевичем, он жаждал возмездия. Вряд ли бы он решил убить себя в тот вечер.

– И всё же я до конца не понимаю: что произошло меж-

ду вами? Почему ваш покойный супруг был в такой ярости? Мне кажется, Софья Константиновна, вы от нас что-то скрываете, и позвольте мне предположить, что именно, – ехидно улыбнувшись, сказал молчавший до того Павел.

– Что вы имеете в виду, Павел Александрович? Или же вы хотите открыть нам какую-нибудь врачебную тайну? – язвительно спросил Алексей. Он чувствовал, как начинает закипать.

– Я считаю, что от следствия не должно быть тайн, даже врачебных. Простите, что я говорю о вас в вашем присутствии, милейшая сударыня, однако позвольте мне задать странный вопрос Андрею Петровичу. Видели ли вы руки Софьи Константиновны? – цинично поинтересовался Реутов.

В одно мгновение Софья сделалась блее смерти, а затем покраснела.

– Павел Александрович, я считаю, что нам стоит прекратить этот разговор, – постарался успокоить вошедшего в раж доктора Андрей Петрович. – Я, к счастью, ещё гожусь для сыскной работы, и не нуждаюсь в чьей-либо помощи для проведения расследования.

– Нет уж, позвольте, вы должны это увидеть! Я проводил осмотр после того, как Софья Константиновна подвернула ногу. С лодыжкой-то ничего серьёзного, а вот про остальное я бы так не сказал. На запястьях – шрамы, а на шее – свежие синяки. Как вы это нам объясните, милсдарыня?

Софья встала со своего места и неспешно направилась к

Павлу. Все смешалось: её занесённая рука, пощёчина, звон от удара... Быстрыми, несмотря на хромоту, шагами оскорблённая женщина вышла из зала и направилась к себе в комнату. Воцарилось молчание.

– Софья Константиновна пережила то же, что и я в своё время – лишилась мужа, так что я прекрасно понимаю, насколько ей сейчас нелегко. Мне стыдно за тебя, Паша, – негромко сказала Юлия Михайловна, а затем поднялась с кресла и пошла вверх по лестнице к комнате Софьи. Анна Васильевна последовала за ней, а вместе с ней и Андрей Петрович. Последним из-за стола поднялся Алексей, с трудом сдерживавший себя на протяжении всего этого безобразного разговора, и, бросив испепеляющий взгляд на Павла, вышел вслед за остальными.

– Поглядите-ка, наш благородный рыцарь отправился на помощь несчастной принцессе, – с усмешкой сказал Реутов после того, как Якунин скрылся из виду, однако, на эту неуместную колкость оставшиеся за столом Владимир Борисович и Фёдор Иванович внимания не обратили.

– Думаю, мне стоит пойти к Софье Константиновне одному. Я бы очень хотел обсудить с ней несколько вопросов, – сказал Андрей Петрович.

– Простите мне моё вмешательство, но мне кажется, что Софья Константиновна сейчас вовсе не в состоянии для допроса, – процедил Алексей.

– Что вы, Алексей Николаевич, что вы! Никакого допроса,

всего лишь беседа, – с этими словами пристав постучал в дверь и негромко сказал:

– Софья Константиновна, прошу вас, позвольте мне войти.

Ключ повернулся в замке, дверь приоткрылась, и пристав, вошёл внутрь.

– Простите меня за беспокойство, Софья Константиновна, но я хотел бы с вами побеседовать.

– Да, безусловно. У вас ведь теперь вновь появилось столько вопросов, не правда ли? – поинтересовалась она и горестно усмехнулась.

– Нет, у меня их всего два, – сказал Сафонов, и на лице его почему-то заиграла по-отечески тёплая, сочувствующая улыбка. Они замолчали, и спустя мгновение приставу показалось, будто бы Софья хотела что-то сказать, но осеклась. Глубоко вдохнув, она проговорила:

– Если вы о вопросе Павла Александровича, то я готова дать ответ. Причина столь сильной ярости одна – ревность. Иногда мне казалось, что Дмитрий ревновал меня ко всему, что способно на меня смотреть. Что до чересчур бурной реакции, то с ним нередко случались такие перепады настроения, врач даже прописывал моему покойному супругу какой-то порошок, но тот отказывался его принимать.

– Я верю вам, Софья Константиновна, как верю и в то, что Павел Александрович очень скоро принесёт вам свои извинения. Быть может, вам стоит немного отдохнуть? Если так,

то я не стану вам мешать.

– Нет, что вы... Если вы хотите ещё что-нибудь спросить у меня, то я готова, – несмотря на то, что на лице вдовы читалась усталость, а в глазах стояли слёзы, она держалась гордо.

– В таком случае, позвольте мне задать вам последний, и, быть может, очень странный вопрос: был ли ваш покойный супруг знаком с Реутовыми?

– Я не уверена, но мне кажется, что да.

– Занятно, очень занятно! – Андрей Петрович оживился. – А почему вы так думаете?

– Мне показалось, что они с осторожностью относились друг к другу, словно имели какие-то ссоры в прошлом, к тому же не так давно, должно быть, около трёх месяцев тому назад, Дмитрий уезжал по делам в Воронежскую губернию, а я оставалась в нашем имении. Думаю, что там он мог познакомиться с Реутовыми, но это всего лишь моё предположение.

– Три месяца назад? Надо же, какое совпадение! Что ж, в таком случае я не могу не спросить у вас ещё кое-что: насколько сильно покойный Дмитрий Сергеевич менялся внешне за последние три месяца?

– Хм... Он отрастил бороду... немного набрал вес... Ах, да, ещё он сменил стрижку на более короткую. Но я, признаться честно, не совсем понимаю, какое это имеет отношение к нашему разговору.

– Решительно никакого, но это очень многое объясняет.

Софья Константиновна, могу ли я надеяться, что всё сказанное останется между нами?

– Конечно.

– Благодарю! В таком случае, я оставлю вас, – с этими словами пристав поднялся со стула и направился к двери.

– Если вам не трудно, попросите никого ко мне не заходить. Я хочу немного побыть одной, – бросила она ему вдогонку. Сафонов кивнул.

Ливень барабанил по крыше, и Алексею казалось, что в мире исчезло всё, помимо его мыслей и монотонного плача дождя. То и дело за окном сверкали молнии, оглушительно гремел гром и протяжно выли собаки. Часы показывали половину третьего. На душе скреблись кошки: странная тревога мучила Якунина, ему хотелось поговорить с кем-то, лишь бы не быть одному в этой комнате под жутковатое тиканье часов. Не то чтобы Алексей боялся одиночества: напротив, оно скорее доставляло ему удовольствие, было привычным и порой невероятно желанным. После смерти матери он полюбил его, и всякий раз, когда выдавалась свободная минутка, убегал под сень раскидистого старого дуба, к прохладе пруда, и там думал и мечтал обо всём на свете. Вот и сейчас Якунин решил сбежать в своё любимое место, пускай на улице и бушевали перуны.

Быстро одевшись, он, стараясь не привлекать внимания, вышел в сад через чёрный ход. У дуба Алексей увидел силуэт. Софья стояла под дождём в насквозь мокрым чёрном платье. Потoki воды струились по рукавам и юбке, а влажные локоны змеями спадали на плечи из растрёпанной причёски. Под светом луны, стыдливо выглядывавшей из-за облаков, она была похожа на колдунью из старинных сказок.

– Софья Константиновна! Что вы делаете здесь в такой

час?

Она едва слышно вскрикнула и испуганно обернулась.

– А что делаете здесь вы? Неужели вы меня преследуете?

– Ни в коем случае, я лишь хотел прогуляться.

– Ровным счётом, как и я.

После недолгого молчания Алексей робко продолжил:

– Я хотел поговорить с вами, Софья Константиновна.

– Да что же это такое?! В этом доме абсолютно все хотят со мной поговорить! – она всплеснула руками и истерично рассмеялась. – Вы из-за слов Павла Александровича, не так ли?

– Да, я... Дмитрий ведь чуть было не убил вас из-за меня!.. Я не смогу найти слов, чтобы выразить, как ужасно я чувствую себя из-за этого. Простите меня, если, конечно, я заслуживаю прощения, – голос Алексея срывался от волнения.

– Вы ни в чём не виноваты, Алексей Николаевич, и я не держу зла на вас. Я совсем не хотела, чтобы кто-либо узнал о том, что произошло между нами с мужем, однако, так уж вышло.

– Софья Константиновна, позволите ли вы мне задать вам совершенно бестактный вопрос? Вы вовсе не обязаны на него отвечать, если не сочтёте этого нужным.

– Я отвечу, о чём бы вы ни спросили, ответила она устало, но с ноткой надежды.

– Что произошло с вашими руками? О чём говорил Па-

вел Александрович? Неужели это тоже он, ваш покойный супруг?

– Ах, вы об этом? Нет, что вы, здесь я справилась сама. Простите, но мне кажется, что ещё немного, и вы сочтёте меня сумасшедшей.

– Ни в коем случае! Если вы хотите прекратить этот разговор, то я не стану настаивать, но если же вам хоть на толику от него станет легче... Прошу, скажите, почему вы делали это?

– А с вами, – в её голосе чувствовалось раздражение и надрыв, – с вами бывало, что боль переполняла, душила вас, и вам казалось, что каждый ваш вздох отравляет этот мир, что вы не заслуживаете жизни? Вы мечтали о том, чтобы никогда более ничего не испытывать? – слёзы подступили к горлу, и она зажала себе рот рукой. – Простите, я не должна была быть с вами столь откровенна. Даже не представляю, зачем я всё это наговорила...

– Со мной случалось такое, и я прекрасно понимаю вас.

Софья удивлённо подняла глаза на Алексея. Тот сделал шаг к ней, и теперь расстояние между их лицами сократилось до допустимого минимума.

«Я скажу ей, скажу обо всём», – подумал Якунин, но слова словно застряли в горле.

– Спасибо вам, Алексей Николаевич, но я боюсь, что мне пора идти. Как я уже говорила, нам не стоит часто оставаться вместе: люди могут неправильно подумать о нас, – больше в

её голосе не чувствовалось прежних ноток доверия и отчаяния – это был спокойный, почти что ледяной тон светской беседы.

– Какая, к чёрту, разница, кто о чём подумает? Поймите, Софья Константиновна: вы не можете жить, опираясь лишь на мнение окружающих! Что бы вы ни делали, кто-нибудь обязательно найдёт повод для осуждения. Чего хотите вы, именно вы, а не общество?

– Я? Я, в самом деле, совершенно не понимаю вас, Алексей Николаевич – чего я должна хотеть? – с этими словами она удалилась, и провожали её раскаты грома.

***

«Ah, was zum Teufel ist passiert?»⁴ – пожалуй, эта была первая мысль пристава Сафонова по пробуждении. Ночью ему снились огромные крысы, ходившие на задних лапах, и к ним почему-то примешался Павел Реутов – он громко кричал, а потом вместе с ним вопить начали и эти странные грызуны. Однако после того, как Андрей Петрович открыл глаза, крики не прекратились. Его прошиб холодный пот, и сон окончательно ушёл. Быстро одевшись, пристав почти что слетел вниз по лестнице. Около дверей комнат Реутовых столпилась прислуга.

---

⁴ Что, чёрт возьми, происходит? (пер. с нем.)

– Was zum Teufel ist passiert? – прошептал Андрей Петрович, прорываясь к постели сквозь напуганных слуг.

Кровать была застелена, а на ней лежал мертвенно бледный Павел. Рядом, скорчившись, стояла Юлия Михайловна.

– Паша! Паша! Пашенька!.. Что они сделали с тобой? Кто это сделал, кто?! Как человек может убить кого-то? – голос её надрывался. Заметив Сафонова, несчастная мать бросилась к нему.

– Скажите, что знаете, кто сделал это, прошу, скажите!

– Юлия Михайловна, примите мои соболезнования. Да пошлёт вам Господь терпения и стойкости в эту непростую минуту... – лицо пристава выражало сочувствие и усталость.

– Соболезнования? Да как вы смеете мне соболезновать?! Его убили из-за вас, потому что если бы вы нашли убийцу, то ничего этого бы просто-напросто не случилось! А я скажу вам, кто убийца, скажу! Та чернявая ведьма, Елизарова!

Словно по взмаху волшебной палочки в комнату вошла Софья.

– Что случилось? – испуганно спросила она. – О, боже мой, Павел Александрович...

– Как вы смеете появляться здесь после того, как убили моего сына?! Чем он перед вами провинился? Тем, что открыл всем правду о вас? Или же его убили не вы, а ваш драгоценный любовник?! – Юлия бросилась к Софье, и приставу с урядником насилу удалось её остановить.

– Пожалуйста, дайте Юлии Михайловне успокоительное

лекарство, – обратился к вошедшей Анне Васильевне Сафонов. – Прошу, дамы и господа, покиньте нас с Фёдором Ивановичем – нам надо осмотреть место преступления.

– Матушка, что произошло? – колокольчиком зазвенел голосок Марья. – Паша? Боже мой, Паша! Он жив, Андрей Петрович, ведь правда? – девушка с надеждой посмотрела на пристава. В глазах её стояли слёзы.

– Марья Александровна, прошу вас, пойдёмте с нами, – робко предложила Анна Васильевна.

На негнущихся ногах сестра покойного подошла к постели, упала на колени и взвыла, взвыла подобно раненому зверю. Её оттащили от кровати и повели в другую комнату, а она лишь смотрела куда-то в пустоту стеклянными глазами.

Софья вышла из комнаты, утирая слёзы, и направилась к себе. Несмотря на их недавнюю ссору, ей было искренне жаль покойного. Бедный, бедный Павел, бедная Марья Александровна! А Юлия Михайловна? Как, должно быть, ужасно пережить своё дитя! Но кто мог это сделать? Неужели... Нет, это не мог быть Алексей, по крайней мере, Софье совершенно не хотелось в это верить. Внезапно Якунин вышел из-за угла, и от неожиданности она вздрогнула.

– Софья Константиновна, доброе утро! Что произошло, почему кто-то кричал?

– Оно вовсе не доброе, Алексей Николаевич. Павел Александрович... он мёртв, – слабым голосом проговорила Софья. Алексей шокировано отпрянул.

– Какой кошмар! – с ужасом проговорил он. – Его тоже убили?

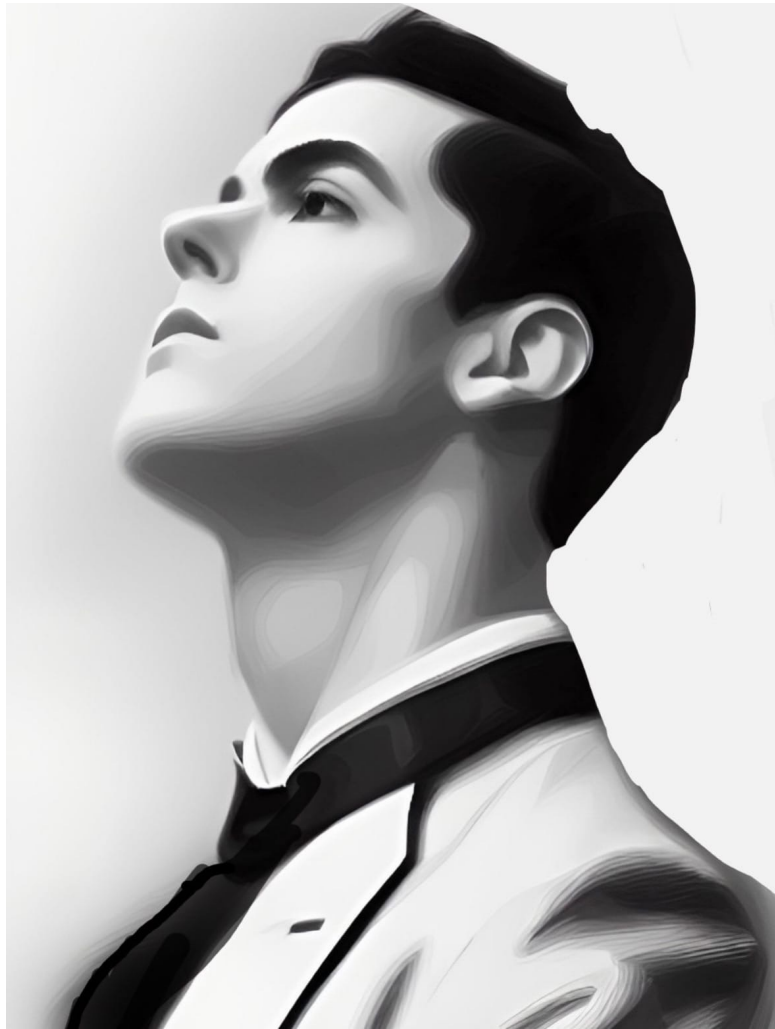
– Пока это неизвестно, но Андрей Петрович и Фёдор Иванович уже пытаются в этом разобраться, – женщина печально усмехнулась и сказала: – А вы знаете, что о нас пошли слухи? Юлия Михайловна обвинила меня в убийстве моего мужа и её сына, а вас назвала моим сообщником и любовником. Уверена, что все теперь считают так же. Что нам делать?

Якунин почувствовал, что ему становится жарко.

– Простите, но мне кажется, что Юлия Михайловна сейчас далеко не в здравом уме: подумать только, она лишилась сына! Не стоит принимать её слова близко к сердцу. Однако, мы с вами не виновны, а значит, тревожиться не о чем – правда восторжествует над ложью.

– Ах, Алексей Николаевич! Как непростительно вы наивны!.. Мы живём в мире, где ложь побеждает только ещё более ужасная ложь.

– Вы ошибаетесь. Ложь может победить только правда... правда и любовь. До скорой встречи, Софья Константиновна, – чувствуя, что он сказал лишнего, Алексей покраснел и направился к себе.

Глава 5

*

– Следов борьбы нет. Надо отправить тело на экспертизу. Сдается мне, что и он был отравлен, – закончив осматривать место преступления, заявил Андрей Петрович.

– Кому мог помешать Павел Александрович? – с недоумением спросил урядник Филимонов.

– Много кому, мой дорогой Фёдор Иванович, много кому. Неужели вы забыли о вчерашней ссоре? Теперь же займитесь, пожалуйста, формальностями, связанными с экспертизой, а после этого я предлагаю приступить к допросу подозреваемых.

Спустя несколько минут полицейские уже сидели в комнате Якунина.

– Андрей Петрович, в этом доме решительно что-то не так, – сказал Алексей, нервно постукивая пальцами по столу.

– Осмелюсь напомнить, Алексей Николаевич, что в этом доме убили двоих человек. Разумеется, тут что-то не так.

– Нет, я вовсе не про это! Дело в том, что... – часы пробили полдень, и Якунин замолчал. – Вы слышите это? Опять! Каждый раз, когда бьют эти проклятые часы, мне становится дурно! Раньше они решительно били по-другому.

Прокашлявшись, в разговор вмешался Фёдор Иванович:

– Я бы рекомендовал вам не замечать подобные мелочи либо обратиться к часовщику.

– Мой дорогой Фёдор Иванович, сдаётся мне, что тут дело в чём-то другом, – на лице Андрея Петровича читалось оживление и, вместе с тем, задумчивость. – Алексей Николаевич, вы не будете возражать, если я осмотрю эти часы?

– Буду крайне рад, если смогу хоть немного отдохнуть от их проклятого тиканья.

Следующие минуты тянулись невероятно долго: мужчины копались в замке больших деревянных часов с маятником, стараясь открыть коробку. Но вот что-то щелкнуло, и спустя несколько секунд в руке пристава оказался пистолет.

– Что это? Откуда? – шокировано спросил Якунин.

– Пистолет, Алексей Николаевич, пистолет. Ваши часы неспроста так странно били – в часовом шкафу лежал этот чудесный трёхлинейный наган, из которого, судя по пуле, и застрелили Дмитрия Сергеевича. Теперь же я хочу поинтересоваться, Алексей Николаевич: что делает у вас в часах орудие убийства?

– Я этого не знаю. Поймите, если бы мне взбрело в голову кого-нибудь застрелить, то я бы использовал его, – Якунин похлопал себя по правому карману.

– Пистолет? Зачем он вам при себе, Алексей Николаевич?

– Привычка, не более того. В конце концов, я офицер.

– Занятные у вас привычки, Алексей Николаевич, очень занятные... Что же, с вашего позволения я оставляю вас и от-

правлюсь побеседовать с Софьей Константиновной. Будьте осторожны: говорят, что найденное в комнате подозреваемого орудие убийства не сулит ничего хорошего.

Выйдя из комнаты, пристав покачал головой и шёпотом обратился к своему помощнику:

– Фёдор Иванович, мне не нравится это дело, ужасно не нравится. Теперь надо быть ещё более осторожными. Нельзя упустить из вида ни одного действия Алексея Николаевича – мы не можем допустить ещё одного убийства.

На другом конце коридора показалась Софья, быстрыми шагами направляющаяся к полицейским.

– Здравствуйте! Андрей Петрович, я искала вас. Мне нужно в город, чтобы забрать траурное платье – на завтра назначены похороны. Могу ли я уехать?

– Мне кажется, лучшим решением будет пригласить портного сюда: теперь траурные платья, к несчастью, потребуются и Марье Александровне с Юлией Михайловной. Уверен, что мастер согласится привезти с собой ваш наряд.

– И правда, я об этом не подумала... В таком случае я пойду к Анне Васильевне, чтобы спросить её разрешения, – с этими словами Софья уже было развернулась, но Андрей Петрович остановил её.

– Прошу вас, постойте, Софья Константиновна, постойте! Я хотел задать вам несколько вопросов. Можем ли мы для этого пройти в вашу комнату?

– В мою комнату? – вдова словно смутилась. – Да, конеч-

но.

Спустя минуту она уже открывала дверь.

– Проходите, – стараясь скрыть раздражение, излишне вежливо сказала Софья. – Прошу, присаживайтесь.

Она встала у трюмо, словно желая что-то загородить спиной. Сафонов, казалось, смотрел сквозь неё.

– Софья Константиновна, вы ведь слышали выстрел, не так ли? – наконец отвлекшись от своего увлекательного занятия, спросил Андрей Петрович. Он сцепил руки в замок и посмотрел на женщину в упор.

– Нет, я... была гроза, он, должно быть, смешался с раскатами грома, – Софья говорила неуверенно, и даже дилетанту стало бы понятно, что она лжёт.

– Вы были в соседней комнате. Поверьте, находясь так близко, невозможно спутать выстрел с чем-либо другим. Я повторю свой вопрос, Софья Константиновна: вы слышали выстрел?

– Нет.

– В таком случае, вы были не у себя, не так ли?

– Я... я... да, я выходила, выходила! И что теперь?

– Теперь? Теперь всё куда проще объяснить. Куда вы выходили?

– Я не могу вам этого сказать.

– Что же, в таком случае я имею полное право вас арестовать по обвинению в убийстве двоих человек, – пристав был спокоен и непроницаем, Софью же била крупная дрожь.

– Нет, стойте! Я выходила... – ей явно трудно было произнести следующие слова, – за ножницами.

– Зачем вам в такой час потребовались ножницы?

– Дмитрий всегда прятал от меня всё острое и очень тщательно за этим следил. Когда мы приехали, и мой покойный супруг был ещё трезв, он приказал горничной не давать мне без его разрешения ничего, чем я могла бы навредить себе. После он выпил, мы повздорили... Вы все равно не поймёте меня или, возможно, сочтете сумасшедшей, но физическая боль очень хорошо помогает справляться с душевной, – она истерически рассмеялась. – Боже мой, ведь если бы я была тогда там, я бы могла помочь Дмитрию, я бы его спасла!..

– Вы правда сделали бы это, или просто так положено говорить? – с лёгкой усмешкой поинтересовался Сафонов. Софья молчала. – Простите. Вы видели кого-нибудь, когда выходили из комнаты? – казалось, что тон Андрея Петровича несколько смягчился.

– Нет!.. – Софья испуганно посмотрела на пристава. Его лицо не выражало ничего, кроме насмешливого спокойствия и недоверия. – Хорошо, да. Я видела покойного Павла Александровича, он стоял у окна и курил. Мне показалось, что он меня не заметил.

– Занятно, Софья Константиновна, очень занятно. Если я всё верно понял, то у вас были и повод, и возможность убить и вашего супруга, и Павла Александровича. К слову, вы знаете, что пятнадцать минут назад я нашёл в часовом шкафу

у Алексея Николаевича пистолет, которым убили Дмитрия Сергеевича? Странное стечение обстоятельств, не находите ли?

– Его могли попросту подбросить, когда мы уходили на прогулку.

– Не стоит пытаться оправдаться или оправдать, Софья Константиновна. От ареста вас и Алексея Николаевича отделяет всего одна улика, которую я пока не могу найти. Будьте осторожны.

Когда они вышли из комнаты Софьи, Андрей Петрович шепнул своему помощнику:

– Надо проследить за Софьей Константиновной, Фёдор Иванович. Мне кажется, что мы не знаем о ней чего-то ещё.

– Будет сделано. Чем займёмся дальше, Андрей Петрович?

– Предлагаю побеседовать с семьёй покойного Павла Александровича. У меня есть одно предположение, и я почти уверен, что оно подтвердится.

Пока они шли к комнатам Реутовых, голова пристава кипела. Из размышлений его вырвал голос урядника:

– Андрей Петрович, когда мы арестуем убийцу?

– Когда найдём его, Фёдор Иванович. Что за вопрос?

– Простите, но мне кажется, что тут все очевидно. Алексей Николаевич и Софья Константиновна...

– Мой дорогой Фёдор Иванович, – перебил Сафонов своего помощника, –

если бы всё было так просто, как вы думаете, в моей работе не было бы нужды. Мне кажется, что я нашёл убийцу, однако пока не имею ни единого доказательства против этого человека.

– Кого же вы подозреваете?

– Пока я не готов сказать вам это. Однако, мы уже пришли, – сказал пристав и постучал в дверь. Услышав усталое «войдите», Андрей Петрович сказал своему помощнику:

– Фёдор Иванович, будьте добры, позвольте мне побеседовать с семьёй покойного наедине. Если вас не затруднит, приведите в порядок протоколы.

Филимонов кивнул, и пристав вошёл комнату.

В спальне было душно и темно. Марья смотрела на стену остекленевшем взглядом. Что творилось сейчас в её голове? Страшно представить. Юлия Михайловна, бледная и словно уменьшившаяся, ссохшаяся от горя, лежала на постели, прикрыв глаза.

– Простите, что потревожил ваш покой, – негромко сказал Сафонов.

– Покой? О, о нём я сейчас могу только мечтать. Зачем вы пришли? – устало спросила несчастная мать.

– Я хотел задать вам несколько вопросов. Это поможет найти убийцу как можно быстрее.

– Вам лишь бы вопросы задавать! Когда от слов вы наконец перейдёте к действиям, Андрей Петрович? А если так подумать, то какая разница? Паше это уже не поможет... –

по её щекам покатались слёзы.

Тяжело вздохнув, пристав спокойно спросил:

– Вы заметили что-нибудь необычное в поведении вашего сына за некоторое время до его смерти?

– Нет, ничего.

– Маменька, а мне казалось, что... – вмешалась в разговор молчавшая до того Марья.

– Маша, сколько раз тебе говорить: не перебивай, когда взрослые разговаривают! Простите, Андрей Петрович.

– Позвольте, Юлия Михайловна, позвольте: ваша дочь уже взрослая девушка, и я очень хочу узнать, что ей казалось.

– Паша очень легко злится, вернее, злился... вот и в тот вечер он был очень рассержен, после того, как Софья Константиновна дала ему пощечину. Он в целом был очень эмоционален, но в тот вечер это показалось мне странным. Он словно не мог контролировать себя, – Марья прикусила губу, сдерживая слезы, но всхлип все равно вырвался из груди. – Не могу поверить, что он мёртв, просто не могу поверить! Скажите, вы уже нашли убийцу, Андрей Петрович?

– Скорее нас всех перебьют, как котят, пока Андрей Петрович соизволит найти этого мерзавца, – язвительно усмехнулась старшая Реутова.

– Юлия Михайловна, позволите ли вы задать несколько вопросов касательно вашего покойного мужа наедине?

– А какое это имеет отношение к делу?

– Позвольте решать это мне. Я всего лишь хочу уточнить

несколько деталей.

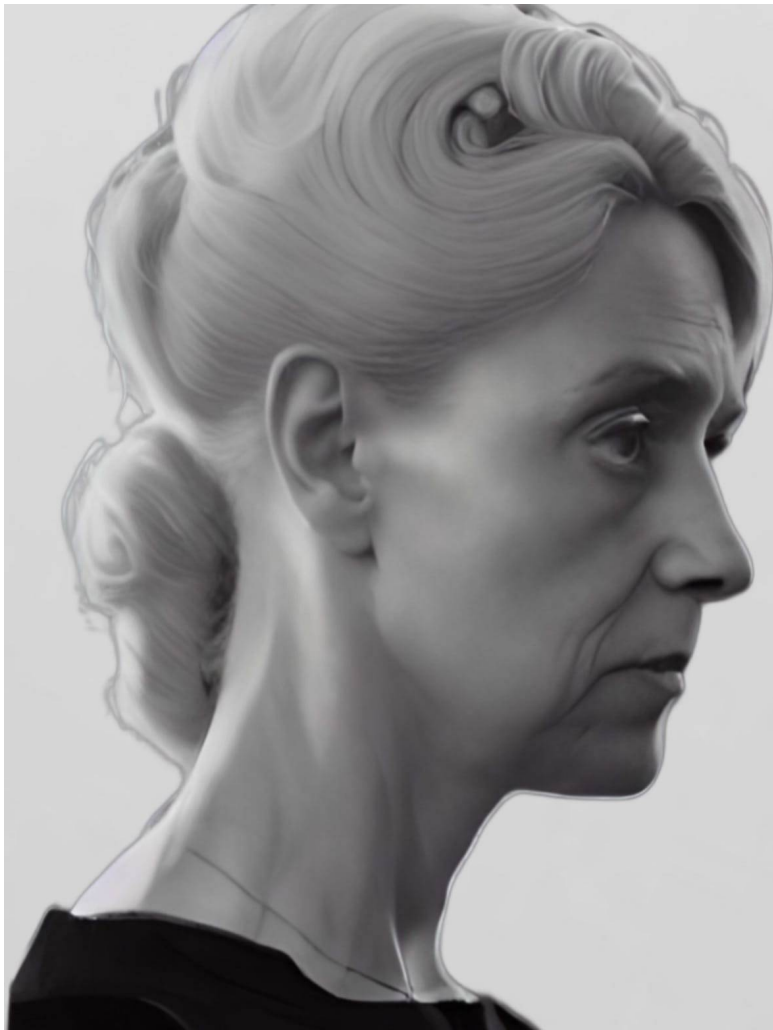
– Так и быть. Маша, прошу, оставь нас.

Девушка вышла из комнаты, и пристав негромко спросил:

– Ваш покойный супруг, кажется, был врачом, не так ли?

– Да, абсолютно верно. Паша хотел пойти по его стопам.

– И, если я не ошибаюсь, он застрелился.

Юлия Михайловна Реутова

– Признаться честно, я всё же совершенно не понимаю, какое это имеет

отношение к делу. Или, быть может, вам просто нравится вскрывать мои старые раны?

– Юлия Михайловна, прошу вас, ответьте честно мне на невероятно важный вопрос – вы знали...

Раздался стук в дверь, и на пороге появился запыхавшийся Фёдор Иванович.

– Андрей Петрович, простите за беспокойство, но, кажется, мы нашли убийцу. Одна из горничных...

– Тихо! – рявкнул в его сторону пристав. – Прошу простить меня, Юлия Михайловна, я вынужден вас оставить. До скорой встречи.

Стоило им выйти из комнаты, как урядник принялся тараторить:

– Пришли результаты экспертизы. Павел отравлен! Это Алексей Николаевич! Сейчас ко мне подошла одна из горничных, она говорит, что видела его в ночь убийства выходящим из комнаты покойного Дмитрия Сергеевича.

– Почему же она не поведала об этом раньше? – со скептической улыбкой поинтересовался пристав.

– Бедняжка была жутко напугана и хранила молчание, но после смерти Павла Александровича, которому она очень

симпатизировала, решила срочно всё рассказать нам.

– В таком случае мы немедленно отправимся к ней. Я должен услышать всё из первых уст.

Пять минут до каморки горничной в соседнем флигеле показались Андрею Петровичу невероятно долгими. Но вот запахнулась дверь, и его глазам предстала скромная комната: небольшой шкаф, односпальная кровать, маленькое окошко с занавесками в цветочек, и... о, Господи! В правом углу комнаты на полу лежала служанка, а рядом с ней, в зловещей алой луже – окровавленная кочерга.

– Бог мой!.. – Сафонов не стал наклоняться, чтобы измерить пульс: все было очевидно. – Мы немедленно идём к Алексею Николаевичу.

**

В саду было невероятно хорошо, и если в доме горе витало в воздухе, делая его густым – хоть ножом режь, то здесь дышалось легко. Алексей медленно прогуливался по берегу пруда, погружившись в раздумья, и сейчас его волновали далеко не убийства. Чёрт возьми, да что вообще с ним происходит? Он был уверен, что все чувства к Софье остались далеко позади, но сейчас думать он мог о ней и только о ней. Каждую ночь она снилась Якунину, и на следующее утро тот не решился бы взглянуть ей в глаза. Бред, решительно, это полный бред! Нет, Алексей вовсе не хотел повторения истории с Катей. Каждый раз упоминание этого имени отзывалось в душе ноющей болью, а что сейчас? Ужели

его вновь заинтересовала Софья? А самое главное, что будет дальше? Его мучили подозрения: быть может, убийца именно она, Софья? В конце концов, у неё были и возможность, и повод. Эти мысли изводили Якунина, и как бы он ни старался отогнать их, ничего не получалось.

Позади раздался шорох, и Алексей обернулся.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич! Простите, если я помешала вам. Я немедленно уйду.

– Что вы! Разве вы можете помешать мне, Софья Константиновна? – он стеснительно улыбнулся. – Вы словно хотите что-то сказать. Возможно, мне просто показалось...

– Ах, Алексей Николаевич, если бы вы только слышали, что о нас судачат!.. Говорят, что мы любовники, что мы, сговорившись, убили Дмитрия, а потом и Павла. Какой кошмар, какая низость!

– Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть, – с нервной усмешкой сказал Якунин.

– О чём вы? – Софья удивлённо посмотрела на него.

– Я? Ни о чём. Софья Константиновна, вы наверняка слышали о пистолете, что нашли в моей комнате. Я совершенно не знаю, откуда он взялся там, однако, я хочу кое в чём признаться вам. Это давно тяготит меня, – сердце бешено колотилось, во рту пересохло, дышать было трудно. «Три слова, чёрт возьми, скажи ей эти несчастные три слова!» – подумал он.

– В чём? Неужели... неужели вы убийца?

– Нет, нет, что вы! Я просто хотел сказать, что нам надо держаться вместе. Нас теперь обоих подозревают.

И снова ему не хватило храбрости. Бог мой, как сейчас ему было стыдно за себя!

– Алексей Николаевич, прошу вас, скажите мне правду, – Софья прищурилась и слегка наклонила голову на бок.

– О какой именно правде вы говорите? – старясь изобразить искреннее удивление, проговорил Алексей.

– Я не знаю, однако вы сами заявили, что что-то давно тяготит вас. Что именно?

Сердце попустило несколько ударов. «Сейчас или никогда», – подумал он.

– Софья Константиновна, прошу вас, присядьте. Вы сможете выслушать меня до конца?

Она опустила на скамейку и кивнула в знак согласия.

– Я скажу вам честно, Софья Константиновна: я не святой отшельник, и в моей жизни было много женщин. Стыдно признаться, но в делах любовных мне никогда не везло, – губы тронула горестная усмешка. – С тех пор я поклялся, что больше не будет в моей жизни любви, что я буду слушать только разум, а не сердце, я клялся, что... Да какая, чёрт возьми, разница? Увидев вас вновь, я нарушил все данные себе обещания. Я люблю вас, Софья Константиновна, люблю с того самого дня, когда увидел вас впервые десять лет назад.

Она испуганно смотрела на него, а по щекам катились крупные слёзы.

– Алексей Николаевич... Ах, Алексей Николаевич, одумайтесь! – наконец сказала она дрожащим голосом. – Меня отделяет от каторги один шаг, и одна нога моя уже в кандалах. В конце концов я была замужем и далеко не юна, я вряд ли смогу подарить вам детей, мои руки изрешечены шрамами, я медленно схожу с ума. Алексей Николаевич, вы найдёте себе чудесную невесту, молодую, красивую, невинную и чистую, вы будете счастливы с ней!

– Софья Константиновна, мне хватит одного вашего слова, чтобы я больше никогда не потревожил вас, – в его глазах ещё сквозила надежда, но осознав, что ему отказали, Алексей переменился в лице. – Простите, мне не стоило позволять себе такую вольность. С вашего позволения я оставляю вас, – он развернулся и направился к дому.

– Занятно, очень занятно, – прошептал стоявший всё это время в зарослях Андрей Петрович. – Пойдите, Алексей Николаевич! – крикнул ему вдогонку пристав, вылезая из кустов.

Якунин вздрогнул и резко обернулся.

– Что случилось, Андрей Петрович? Что вы здесь делаете? – удивлённо и испуганно спросил он.

– Подслушиваю воркование двух голубков. Ах, да, ещё я пришёл вас арестовать по обвинению в убийстве троих человек, Алексей Николаевич.

– Что? – хором спросили Софья и Алексей.

– Одна из горничных свидетельствовала против вас, и

буквально через пять минут она была убита. Как вы объясните это?

– Последние полчаса я был здесь. Ах, точно, это никто не может подтвердить, – с досадой воскликнул Алексей. – Ну что же, можете допросить этих чудесных пекинских уток. Уверен, что они дадут следствию необходимую информацию.

– Вы шутите? Замечательно. Обычно люди в вашем положении рвут на себе волосы. Мы сейчас же вернёмся в дом, и оттуда вас заберёт конвой.

– Какой конвой, Андрей Петрович? Что вы имеете в виду? – Софья удивлённо смотрела на пристава, и тому стало её искренне жаль.

– Как я уже и сказал, Софья Константиновна, я, к своему превеликому сожалению, вынужден арестовать Алексея Николаевича по обвинению в убийстве троих человек, а посему прошу пройти его за мной. Алексей Николаевич, если вы будете сопротивляться, мы, – Сафонов указал на урядника, вышедшего вслед за ним из зарослей, – будем вынуждены применить силу.

Пожав плечами, Якунин протянул руки, и Филимонов защёлкнул на них наручники. В сопровождении двух полицейских арестованный направился к дому, гордо подняв голову.

– Стойте! Он не виновен, вы должны отпустить его! – Софья бросилась за ними, путаясь в длинной юбке.

– Не беспокойтесь, Софья Константиновна – правда вос-

торжествует. Всё будет хорошо, – Алексей старался говорить спокойно, но тревога подступала к горлу и мешала дышать. Нет, он боялся не за одного лишь себя – как бы она не направила глупостей!..

У дома собрались абсолютно все, шокировано наблюдая за скорбной процессией и ничего не понимая.

– Что происходит?! Алёша! Что случилось? – Анна Васильевна выбежала из дома и преградила путь полицейским.

– Меня... меня немного арестовали. Всего лишь небольшое недоразумение, тётушка. Мы скоро его решим, – попытался пошутить Алексей.

– Отпустите его! Немедленно! Вас пригласили сюда не для того, чтобы вы арестовывали моего племянника! – разгневанная женщина двинулась на пристава.

– Его сейчас же отпустят, Анна Васильевна, вы можете не переживать, – спокойно проговорила Софья. На её лице застыло выражение холодной отрешённости. – Его отпустят, потому что арестуют меня. Дело в том, что я убийца. Какая досада, не правда ли?

Глава 6

Тишина, омерзительно громкая тишина зазвенела в ушах, и казалось, что в мире не осталось больше звуков, кроме шелеста листьев. Должно быть, если бы всё происходило в театре, то критики непременно бы отметили немую сцену; однако это был не спектакль, а потому это молчание напоминало лишь затишье перед бурей.

Первой опомнилась Юлия Михайловна. Из уст её посыпались оскорбления и обвинения, и она хотела было во второй раз наброситься на Софью, но Андрей Петрович преградил разъярённой женщине путь.

– До приезда конвоя Софья Константиновна будет находиться в своей комнате, – сказал пристав, а затем обратился к Софье:

– К несчастью, мы будем вынуждены запереть дверь, – Сафонов кивнул своему помощнику, и они вдвоём повели арестованную в дом.

Наконец и Якунин оправился от шока. Он бросился вслед за полицейскими и закричал:

– Постойте! Постойте, чёрт возьми! Вы не... – догнавший его Владимир Борисович одёрнул за рукав Алексея, и тот за-

молчал.

– Если ты хочешь помочь Софье Константиновне, то должен действовать трезво, а не подставлять под удар себя и свою семью, – спокойно и строго проговорил Верховский.

– Она пожертвовала своей свободой ради меня! Я знаю, что она невиновна, знаю, что...

– Ещё скажи при всех, что ты убийца. Ну же, Алёша, хватит ломать комедию! Посуди сам: всё, что ты сейчас можешь сделать – поговорить с Андреем Петровичем и привести ему доказательства невинности Софьи Константиновны.

– У меня их нет, – тяжело вздохнув, сказал Алексей.

– Нет? Тогда почему ты так уверен в том, что она никого не убивала? – посмотрев на Алексея, Владимир Борисович покачал головой. – Бросай это, Алёша, бросай.

Якунин замолчал и бросил колкий взгляд на дядю; затем губы офицера тронула лёгкая усмешка, и он сказал:

– С вашего позволения, дядюшка, я отправлюсь прогуляться. Сегодня просто восхитительная погода!

Не обращая внимания на попытки дяди остановить его, Алексей направился к дому. В голове рождался план.

– Нет, я отказываюсь верить в то, что убийца – Софья Константиновна, отказываюсь! Но что я мог упустить из вида, Фёдор Иванович? – пристав ходил по комнате, яростно массируя виски.

– Что вы могли упустить? Мне кажется, ничего. Я думаю, что вы заблуждаетесь, Андрей Петрович. Против Софьи Константиновны свидетельствуют все улики, и, как мне кажется, её вина очевидна. Но дело в другом: вдруг убийц, к примеру, двое? Ни капли не удивлюсь, если мы выясним, что и Алексей Николаевич замешан в этом грязном деле.

– Да нет же, Фёдор Иванович, нет! Помяните моё слово: мы с вами не знаем чего-то очень важного, – Сафонов замолчал и поёжился. – Сегодня в доме ужасно холодно, несмотря на то, что уже июнь. Не пойти ли вам, Фёдор Иванович, спросить разрешения разжечь камин? Я продрог, честное слово, продрог.

Филимонов кивнул и пошёл к Владимиру Борисовичу. Через несколько минут на пороге комнаты полицейских уже стояла горничная с ворохом ненужных бумаг для розжига. Стоило ей подойти к камину, как Андрей Петрович бросился туда.

– Подожди-ка: я должен проверить все бумаги! Вдруг ты сожжёшь что-нибудь важное?

Горничная удивленно посмотрела на пристава, и Сафонову показалось, что она хочет покрутить пальцем у виска, однако девушка лишь молча кивнула головой и отошла.

Признаться честно, эта была одна из самых старых привычек Андрея Петровича: он никогда не позволял разжигать камина без проверки каждой бумажки. Должно быть, пристав искренне верил, что однажды эта слабость поможет ему раскрыть какое-нибудь запутанное дело.

– Не то, не то, снова какая-то ерунда... – то и дело приговаривал Андрей Петрович на протяжении последующих десяти минут.

Вдруг молчание в комнате прервал его возглас:

– Ничего нельзя доверить этим горничным! Ты чуть было не сожгла очень важную бумагу, – обратился он к стоявшей рядом девушке. – Должно быть, Владимир Борисович по ошибке её выбросил. Надо немедленно вернуть это хозяину!

Спустя несколько минут Сафонов, зажав бумагу в руках, стоял у кабинета Верховского.

– Владимир Борисович, здравствуйте! – воскликнул пристав, как только ему открыли дверь.

– Здравствуйте, Андрей Петрович. Уже приехал конвой?

– О нет, он будет только к вечеру. Я пришёл по другой причине: вы чуть было не отдали невероятно важную бумагу на сожжение. Посмотрите, здесь же расписка о том, что вы должны четыреста сорок пять рублей ассигнациями!

По лицу Верховского пробежала тень.

– Я уже отдал все свои долги, Андрей Петрович. Вы смело можете сжигать эту бумагу.

– Вы уверены?

– Разумеется, я уверен.

Сафонов кивнул головой, а губы его тронула лукавая улыбка. Мужчины попрощались, и пристав вышел из кабинета, шепча под нос: «Занятно, очень занятно».

Стоило Андрею Петровичу зайти в свою комнату, как он крикнул своему помощнику:

– Эврика, Фёдор Иванович, эврика! Я уверен, что нашёл кое-что очень и очень важное. Позвольте поручить вам выяснить обо всем, что происходило за карточным столом во время этого в прямом и переносном смысле убийственного бала.

– Это займёт немало времени, Андрей Петрович. Сначала надо взять у Анны Васильевны адреса приглашённых на бал, потом выяснить, кто из них в тот вечер играл в карты, после – связаться с ними, дожждаться ответа...

– Нет, Фёдор Иванович, такой вариант развития событий меня совсем не устраивает. Быть может, слуги что-то знают про карты?

– Я задавал им этот вопрос, однако не получил подробного ответа.

– Значит, будем импровизировать! – Андрей Петрович потёр руки. – Вперёд, Фёдор Иванович, вперёд!

Когда полицейские вошли в кабинет к Верховскому, он

сидел за столом и читал книгу. Сафонов выглядел излишне оживлённым и довольным, что несколько удивило Владимира Борисовича.

– Рад вас снова видеть. Чем обязан на этот раз? – спросил хозяин имения у пристава и урядника.

– Владимир Борисович, разрешите задать вам вопрос, – улыбаясь, произнёс свою любимую фразу пристав.

– Конечно, Андрей Петрович, спрашивайте, – улыбнувшись в ответ, сказал Верховский. Сафонову показалось, что он был взволнован.

– Почему вы солгали мне?

– Позвольте, я, кажется, чего-то не понимаю. Когда я солгал вам? Я человек чести, и ни за что бы не позволил себе...

– Я имею в виду ваш карточный долг, – прервал его Сафонов. – Мне кажется, или в ночь перед первым убийством вы проиграли покойному Дмитрию Сергеевичу четыреста сорок пять рублей ассигнациями? Почему вы не рассказали об этом? – Я... Тут какая-то ошибка, Андрей Петрович! Интересно, откуда только вы взяли это?

– О, нет, Владимир Борисович, я ничего не брал. Напротив, это вы взяли в долг у аптекаря названную мной сумму. Разумеется, вы уже успели её вернуть, но меня заинтересовал вопрос: зачем вам понадобилось брать в долг эти деньги? Вы ведь вполне состоятельный человек... Стоило же мне копнуть чуть глубже, я узнал невероятно много нового и интересного, начиная с того, что вы, не распоряжаясь семей-

ным бюджетом, погрязли в долгах, о которых не знает ваша супруга, и заканчивая тем, что я наконец-то нашёл ваш мотив.

– Да какой мотив, Андрей Петрович?! – Верховский вышел из себя. – Да, я проиграл покойному в карты названную вами сумму, но это же вовсе не значит, что я убийца! На каком основании вы меня обвиняете, когда преступница сама признала свою вину?

Владимир Борисович Верховский

– Я знаю, вы вряд ли мне поверите, однако Софья Константиновна солгала, объявив себя убийцей. Пройдёт некоторое время, и я смогу это доказать, Владимир Борисович, смогу. Засим прощаюсь с вами. Будьте, пожалуйста, осторожны, – с этими словами пристав с удивлённым урядником вышел из комнаты и направился к себе.

– Что это значит, Андрей Петрович? Откуда у вас информация о финансовых неурядицах Владимира Борисовича? – удивлённо спросил Филимонов.

– У меня не было никакой информации, кроме бумаги о том, что Владимир Борисович должен четыреста сорок пять рублей ассигнациями нашему общему знакомому, Степану Семёновичу, тому самому аптекарю, у которого вы всегда берёте тройной одеколон. Должно быть, Владимир Борисович взял в долг эти деньги на балу, где мог быть наш с вами знакомый – впрочем, факт его присутствия стоит уточнить у Анны Васильевны.

– Но как вы узнали, что семейным бюджетом распоряжается Анна Васильевна?

– Я не знал этого. Учитывая их характеры и состоятельность супруги Владимира Борисовича до брака с ним, я всего лишь сделал предположение. Пока они искали хозяйку име-

ния, пристав продолжал говорить:

– Знаете, Фёдор Иванович, мой покойный отец тоже был становым приставом. Он однажды сказал мне, что для расследования преступления обязательно надо представлять себе все действия. Представлять в деталях, предполагать... Вот я и представил себе, что Владимир Борисович взял у Степана Семёновича в долг названую мной ранее сумму, а когда поехал за нами в город после убийства, то вернул ему эти деньги. Отталкиваясь от этого я смог предположить, что он ничего не рассказал мне об этой махинации, испугавшись, что я начну его подозревать. Однако, я вижу вдалеке Анну Васильевну. Внимательно следите за её реакцией и будьте готовы подыграть мне в любой момент.

– Безусловно, – ответил урядник.

Так как поиски хозяйки имения наконец увенчались успехом, полицейские направились к ней. Анна Васильевна предложила выпить чаю, поэтому вскоре они сидели в гостиной.

– Всё произошедшее – сущий кошмар... До сих пор не верю, что это сделала Софья Константиновна!

– Я тоже, Анна Васильевна, я тоже, – закусывая аппетитным пирожным, усмехнулся Андрей Петрович.

– Неужели? Но её ведь арестуют! Разве вы этому не помещаете?

– До тех пор, пока не будет найден настоящий убийца, мы с Фёдором Ивановичем совершенно бессильны, – пристав прервался, отхлебнув чай. – К слову, позволите ли вы задать

вам несколько странный вопрос?

– Да, разумеется, – Сафонову на секунду показалось, что его собеседница насторожилась.

– Наш с вами общий знакомый, Степан Семёнович, наверняка присутствовал на балу, не так ли?

Анна Васильевна Верховская

– Степан Семёнович? Конечно, он присутствовал. Разве я могла бы его не пригласить? Но почему вы спрашиваете?

Старательно делая вид, что он не услышал вопрос, пристав проговорил:

– Занятно, очень занятно... Вы знаете, Анна Васильевна, – Андрей Петрович усмехнулся, – у каждого в этом доме был мотив. Каждый хотел убить Дмитрия Сергеевича, и я в этом уверен, совершенно уверен!

– Что вы такое говорите, Андрей Петрович?! Такого решительно не может быть! Все мои гости – невероятно порядочные, честные люди, и...

– Я уверен в этом потому, что знаю мотив как минимум доброй половины гостей, начиная с Софьи Константиновны с Алексеем Николаевичем и заканчивая вашим многоуважаемым супругом, – прервал её Сафонов. Он говорил, почти не делая пауз, не давая шанса перебить себя вопросом или возмущением. – Что касается Реутовых, то я думаю, что подозревать мать в убийстве сына и сестру в убийстве брата в корне неверно, по крайней мере, мне очень хочется в это верить. А что же вы, Анна Васильевна?

– Я? При чём тут я? – хозяйка именина шокировано смотрела на пристава. – Позвольте, Андрей Петрович, вы что,

подозреваете меня в убийстве?

– Разумеется, Анна Васильевна, разумеется. Прошу, не сочтите это за оскорбление – моя профессия обязывает меня подозревать всех и вся.

– Андрей Петрович, мне кажется, вы совсем забыли, что Софья Константиновна уже признала свою вину. К чему все эти поиски? Вы толчёте воду в ступе.

– Забавно, вы ведь только что настраивали, чтобы я её спас... В прочем, быть может, Анна Васильевна, вы правы. Однако, пока конвой в пути, я имею полное право разузнать ещё кое-что, разузнать из чистейшего интереса. Давайте немного пофантазируем. Представьте, что вы убийца. Если бы вы лишили жизни Дмитрия Сергеевича, то по какой причине?

– Мне совершенно не нравится всё то, что вы говорите, Андрей Петрович. Не будь мы с вами давно знакомы, я бы затаила на вас обиду. Вы прекрасно знаете, что я бы ни за что не смогла бы убить человека. Прошу прощения, но я предлагаю вам прервать нашу беседу, чтобы... не поссориться. До скорой встречи, – с этими словами оскорблённая женщина вышла из-за стола.

– Мне кажется, что вы обидели её, Андрей Петрович, – сказал урядник, когда Анна Васильевна скрылась из виду.

– Обидел? О нет, мой дорогой Фёдор Иванович, в её глазах я видел не обиду, а страх. Она совершенно точно что-то скрывает, и я буду не я, если не узнаю, что.

«Боже мой, какая это глупость! – пронеслось в голове у Алексея. – Нет, решительно вся эта затея – просто полный бред!»

Камень в руке горел, словно то был не обычный булыжник, а раскалённый уголёк. Бросить или не бросить? «Черт возьми, была не была!» – раздражённо подумал Якунин. Галька с оглушительным звоном врезалась в окно, и вскоре Алексей смог увидеть Софью. На её лице, как и в их последнюю встречу, застыло выражение горечи и страха, только на этот раз к нему добавилась ещё и отрешённость. О чём она думает? Боится ли его, стыдится после того дурацкого признания? А в конце концов, есть ли разница? Он не получил ответа, которого так жаждал. Зачем ему только взбрела в голову эта идея? Признаться честно, Якунин чувствовал себя недалёким влюблённым гимназистом. Он с горечью усмехнулся и хотел было развернуться и пойти назад, как вдруг вспомнил, что из окна на него смотрит Софья и ждёт какого-либо объяснения. Алексей поднял глаза.

Она, подобно заточённой драконом в башню принцессе, и правда с испугом и непониманием глядела на него. Чувствуя себя полным идиотом, Алексей попытался жестами попросить её открыть окно. Спустя тысячи попыток они наконец достигли взаимопонимания. Софья кивнула, приоткрыла ок-

но и скрылась из виду. Вскоре она вернулась, крепко сжимая что-то в руках.

Миг, и у ног Алексея лежала скомканная бумажка.

«*Зачем Вы здесь?*» – было аккуратно выведено на ней круглым почерком.

Увидев, что ответить «собеседнику» в прямом смысле нечем, Софья удалилась вновь, и вскоре прямо в Алексея полетел карандаш.

«*Почему Вы сделали это? Зачем рискуете собой ради меня?*» – старательно писал на клочке Якунин, но буквы выходили какими-то кривыми, будто бы пьяными.

Закончил, прицелился и бросил. «Пленница» подхватила её на лету, как подхватывает на лету голодный нищий кусок хлеба.

Новый клочок полетел в Алексея; он бережно развернул послание и принялся его читать.

«*Неужели Вы всё ещё не поняли?*»

Якунин покачал головой.

На этот раз Софья писала долго, и Алексей начал волноваться. Но вот долгожданный бумажный комок в его руках. Не успел он развернуть его, как Софья испуганно обернулась и, быстро задёрнув штору, отбежала от окна. Услышав голос Андрея Петровича, Якунин, стараясь не шуметь, направился в свою комнату, где дрожащими руками развернул скомканное письмо. Он боялся, и оттого чувствовал себя жалким.

«*Глупо, ужасно глупо говорить это, когда от каторги*

меня отделяет всего один шаг. Я люблю вас, люблю куда сильнее жизни, свободы и всего прочего, люблю с той самой нашей встречи, когда вы вернулись спустя пять лет разлуки. Теперь, молю, уходите – если они заметят вас, ничем хорошим это не кончится. Будьте счастливы, и хотя бы иногда вспоминайте обо мне. Вы навеки в моём сердце и молитвах».

Крупные слёзы покатались по щекам Алексея, и он, не давая воли слабости, утёр их, а затем приложил, подобно святыне, записку к губам.

Глава 7

В комнате-тюрьме было жарко и душно. Полицейские стояли у двери, переминаясь с ноги на ногу. Если после разговора с Анной Васильевной Сафонов почувствовал себя просто встревоженным, то сейчас, глядя на заплаканную Софью, ему стало совсем не по себе, на душе скреблись кошки.

На протяжении последних нескольких дней Андрей Петрович раз за разом задавал себе один и тот же вопрос, и это чертовски мешало спать, есть и работать. А вопрос этот был стар, как мир: что есть любовь? Добро или зло? Пристав видел много примеров за всю свою жизнь, и, признаться, колебался дать ответ даже самому себе. Он не раз слышал проповеди священника о том, что любовь есть Бог, а Бог есть любовь; однако что, если любовь порой бывает творением дьявола?

Сафонов нередко думал о Софье. Она прожила в браке с Елизаровым девять долгих лет, и, судя по её словам, не раз пожалела о своем решении выйти за него замуж. Она любила Дмитрия в молодости, и, должно быть, любила сильно, раз решилась обвенчаться с ним без позволения родителей. Но что осталось от этих чувств спустя девять лет? Ненависть и

страх. Андрей Петрович помнил синяки вокруг шеи Софьи, как помнил и то, с каким стыдом она говорила о них, словно то была её вина. Разве ли всё это – не плоды минувшей любви? Разве не она прямо или косвенно является причиной всего произошедшего?

Но что, если вернуться к Софье? Ничего радостного. Её постигла влюблённость в Алексея. И что теперь? Да её ждёт каторга! Все до единого подозревают её в убийстве по одной простой причине – любовь, как нередко говаривал Фёдор Иванович, опасна: из-за неё убивают.

А что же касается самого Сафонова? Что знал он об этом чувстве? У него была чудесная жена и трое сыновей. За пятьдесят пять лет своей жизни он успел познать и страсть, и боль потери, и тихое счастье. Но он был станowym приставом, или, выражаясь на заморский манер, детективом, а значит видел и не столь приятные примеры сего чувства.

Что ему до этих людей? До Софьи, до Алексея, до Реутовых? Почему он волнуется за них, почему так хочет отыскать справедливость? Быть может, все ответы лежат на поверхности, и искать ничего не надо? Андрей Петрович уже ничего не знал и просто чувствовал себя запутавшимся и уставшим.

– Здравствуйте. Чем обязана? Конвой приехал? – устало спросила Софья, и её голос вырвал Сафонова из мыслей.

– Пока нет, но мне очень нужно поговорить с вами.

– В таком случае, присаживайтесь, прошу, – с вымученным гостеприимством предложила она.

– Знаете ли, Софья Константиновна, – Андрей Петрович подался вперёд всем телом, приблизившись к ней, – я не верю вам, ни капли не верю. Вы не убийца.

– Вы можете не верить мне, Андрей Петрович, но факт останется фактом: я признала свою вину при свидетелях, а полицейские уже в пути. Почему вы так не хотите оставить это дело? Почему беспокоитесь обо мне? – спросила с усмешкой она. Должно быть, если бы взглядом можно было сжечь, то пристав давно бы превратился в горстку пепла.

– Хороший, однако, вы задали мне вопрос, – пристав ухмыльнулся. – Если я скажу вам, что я борюсь за правду и справедливость, вы сочтете меня безумным фанатиком или просто наивным глупцом, а если же заявлю, что ваша судьба мне небезразлична по той простой причине, что вы до боли мне напоминаете меня в далёкой юности... Должно быть, вы точно будете представлять меня в смирительной рубашке, – он расхохотался, а затем резко замолчал, и в комнате на несколько секунд воцарилась звонкая тишина. Сафонов шумно выдохнул, посмотрел на Софью и, прерывая молчание, негромко сказал:

– Софья Константиновна, умоляю, помогите мне! Если вы не сделаете этого, то убийца непременно совершит своё злодеяние снова, и никто уже не сможет остановить его. Кем будет следующая его жертва? А что, если ею станет Алексей Николаевич? Вы сможете простить себе его смерть?

Её губы искривились, будто бы от боли, а пальцы вцепи-

лись в юбку.

– Чего вы хотите, Андрей Петрович? Что я должна сказать вам?

– Вы знаете что-то, чего не знаю я, либо же догадываетесь о чём-то, о чем я и не думал. Прошу, расскажите мне об этом.

Софья пожала плечами. «Думает, что я сошёл с ума», – решил про себя Андрей Петрович.

– Я почти уверена, что вы сочтете меня сумасшедшей, но мне кажется, что... – Софья запнулась, стараясь говорить несмотря на ком в горле, – я считаю, что убить должны были вовсе не Дмитрия.

Фёдор Иванович оторвался от рассматривания своих ботинок и с удивлением взглянул на арестованную.

– Что, простите? Но кого? – шокировано спросил урядник.

– Андрей Петрович, вы, кажется, говорили, что следы цианистого калия были найдены в стакане с водой, который стоял на столе.

– Признаться, я не совсем понимаю... Вернее, я совсем не понимаю, к чему вы ведёте, – недоумевающе сказал пристав.

– Вы ведь знаете, что в наших комнатах три стола: один, письменный, в спальне Дмитрия, другой, трюмо, в моей спальне, и третий – у окна в коридоре, тот, на котором стоит лампа. На каком именно столе был стакан?

– На столе вашего покойного супруга. Ах, да, я понял, –

с улыбкой сказал Андрей Петрович. – Вы имеете в виду то, что видели этот стакан на столике в коридоре?

– Я не совсем уверена в том, что это был именно он, но какой-то стакан там стоял. Я хотела выпить из него, но Дмитрий... отвлек меня, – она отвела взгляд, – а потом, должно быть, забрал его к себе в комнату.

– Занятно, очень занятно... Софья Константиновна, я буду благодарен, если вы позволите мне побеседовать с вами наедине, – увидев, что она кивнула, пристав обратился к своему помощнику:

– Фёдор Иванович, могу я попросить вас разобраться с бумагами?

Урядник кивнул и вышел. Стараясь побороть нарастающее напряжение, Сафонов пытался подобрать слова, но тщетно: в горле стоял ком.

– Софья Константиновна, я хочу задать вам один вопрос. Я сам не знаю ответа на него и вовсе не требую его от вас, однако буду крайне благодарен, если вы на прощание выслушаете меня. Могу ли я надеяться, что никто не узнает об этом разговоре?

– Вы можете быть в этом уверены.

– Мой вопрос до ужаса банален, но я не могу найти ответа на него уже очень долго. Что такое любовь? Добро? Зло? Спроси вы меня об этом двадцать лет назад, я бы без всяких сомнений сказал, что любовь – чудесное чувство, приносящее радость, бабочек в животе и прочую сладостную ерунду,

но сейчас я совершенно не могу честно ответить даже самому себе.

– Раньше я думала, что многое знаю об этом, Андрей Петрович, но сейчас понимаю, что была не права, – от её усмешки повеяло болью. – Добро и зло условны лишь в трудах философов, на деле же они имеют весьма чёткие границы. Вы знаете, сейчас я абсолютно уверена в одном – во имя любви можно пойти на смерть, но если же вы готовы лишиться жизни другого, оправдываясь этим чувством, то сильно ошибаетесь, называя это чувство любовью. Когда же вы любите по-настоящему, то хотите нести миру только добро, хотите поделиться своим счастьем. Посмотрите на меня: разве я не самый счастливый человек на свете?

Сафонов с удивлением взглянул на Софью.

– Вам покажется, что я лишилась рассудка, но на деле я и правда счастлива. Месяц назад я хотела умереть, а сейчас готова жить несмотря на то, что совсем скоро окажусь на каторге, – она говорила с улыбкой, хотя в глазах её стояли слёзы, щёки покраснелись, а голос дрожал.

– Спасибо вам, Софья Константиновна. Вы знаете, я постараюсь вам помочь, даже если это будет непросто, – сказал пристав и поспешил выйти из комнаты. Ему не хотелось, чтобы Софья увидела его встревоженным, сочувствующим, слабым.

Когда ключ повернулся в замке последний раз, она изнеможённо упала на кровать и рассмеялась сквозь слёзы. О, да,

она счастлива...

Сафонов шёл по коридору, и из головы у него не выходила одна фраза, сказанная Софьей во время их беседы. «Добро и зло условны лишь в трудах философов, – прошептал он про себя. – Добро и зло условны лишь в трудах философов...» Разумеется! Пристав сорвался с места и стремглав бросился в кабинет.

– *Idea, amicus, idea!*⁵

Урядник оторвался от документов и удивлённо взглянул на Сафонова.

– Здравствуйте, Андрей Петрович. Софья Константиновна сказала вам что-то важное? Почему вы так встревожены?

– *Omnia orta cadunt, meus amicus*⁶, – изменившись в тоне и печально улыбнувшись, сказал Андрей Петрович. – *Omnia orta cadunt.*

Фёдор Иванович раздражённо посмотрел на своего начальника. Порой на Андрея Петровича находило настроение, когда тот выражался исключительно на латыни и философствовал. Признаться, это жутко выводило из себя урядника – он считал, что все эти заумные фразы не приносили существенно никакой пользы, а значит не имели права на жизнь.

---

⁵ Идея, друг, идея!

⁶ Всё рождённое обречено гибели, мой друг (пер. с лат.)

Филимонов искренне, всем сердцем презирал философов, поэтов, писателей, художников и прочих, как он выражался, бездельников. Нет, мраморную девицу в простыне или без неё он понять ещё мог, но воздыханий по нарисованным деревьям – отнюдь. Вот растёт дерево – его можно срубить, пустить на щепки или дом из него построить. А на холсте-то какой от него толк?

Собственно, именно поэтому урядник с приставом подолгу могли спорить, доказывая друг другу свою правоту. Фёдор Иванович, по своему обыкновению, после такого рода бесед ходил как в воду опущенный – его искренне возмущало и даже расстраивало то, что становой пристав не может понимать таких простых вещей.

– Ладно, оставим это... Вы знаете, мой дорогой друг, у меня есть одна очень странная идея. Я бы хотел, чтобы вы помогли мне осуществить один весьма глупый замысел, – стараясь не поссориться со своим помощником, Андрей Петрович решил сменить тему.

– Позвольте узнать, какой? – все ещё несколько насупленно, но уже с интересом спросил Фёдор Иванович.

– Пройдёмте со мной в комнату покойного, но сначала... Сначала проверим, все ли находятся у себя. Ах, да, возьмите, пожалуйста, пистолет, – не давая задавать уряднику, явно пребывающему в состоянии лёгкого недоумения, задавать вопросов, Сафонов направился к двери.

После того, как проверка была завершена, а все обитатели

и гости имения были в своих комнатах, Андрей Петрович и Фёдор Иванович, стоя у дверей комнат Софьи и покойного Дмитрия, негромко переговаривались.

– Софья Константиновна, прошу в очередной раз извинить меня за беспокойство! – зачастил пристав, как только «пленница» разрешила войти. – Дело в том, что у меня есть к вам просьба. Не могли бы вы в сопровождении Фёдора Ивановича пройти туда, куда ходили за ножницами в ночь убийства?

– Я могу, но... – поняв, что у Сафонова есть идея, которая может оказаться для неё спасительной, Софья кивнула и вместе с Сафоновым вышла из комнаты.

Андрей Петрович посмотрел на окно, а затем на часы. Секундные стрелки обошли пошлый круг, прежде чем он, направив наган вверх, выстрелил холостым и истошно закричал.

Прошла, должно быть, минута, и в комнату влетела Анна Васильевна.

– Что происходит?! Андрей Петрович! Я слышала выстрел, потом крик и...

– Ничего криминального не случилось, Анна Васильевна, не извольте беспокоиться. Я всё объясню вам через пять минут. А сейчас подождём остальных.

Не дав потрясённой женщине договорить, в комнату ворвалась Юлия Михайловна, а вместе с ней и Марья. За ними вбежали Владимир Борисович и Алексей, а замкнули ряд

испугавшихся Софья и Фёдор Иванович.

– Что здесь произошло? – принялись наперебой спрашивать собравшиеся.

– Дамы и господа, как я уже и говорил, повода для беспокойства нет. Анна Васильевна, позвольте узнать, в котором часу сегодня будет подан обед? – спокойно поинтересовался пристав у хозяйки дома.

– Он уже готов, кухарка как раз позвонила в звонок, как я услышала выстрел... Позвольте, Андрей Петрович, я решительно ничего не понимаю. Что тут случилось?

– Вот именно, что происходит? Мгновение назад в кого-то стреляли, а вы говорите об обеде! – всплеснув руками, истерично воскликнула Юлия Михайловна.

– Я клянусь, что объясню вам всё за трапезой. Прошу, пройдёмте в столовую.

Воцарилась гробовая тишина, и Андрей Петрович, не давая никому опомниться, направился на первый этаж.

Позади послышались торопливые шаги, и вскоре пристав услышал голос Алексея:

– Андрей Петрович, постойте! Я кое-что вспомнил и хотел вам об этом сообщить.

– Прошу, Алексей Николаевич, говорите: возможно, ваши слова сейчас решат судьбу всех нас.

– Судьбу всех нас? Не уверен. Я хотел сказать, что в ночь перед первым убийством покойный Павел Александрович спрашивал меня о Дмитрие Сергеевиче; тётушка, должно

быть, говорила вам, что Реутовы не танцевали, а сидели в гостиной, и, когда я вошёл туда, чтобы познакомиться со всеми...

– Спрашивал вас о Дмитрие Сергеевиче? Неудивительно, – хмыкнул Андрей Петрович. – Что же, благодарю вас. Позвольте задать один вопрос?

– Разумеется!

– Марья Александровна... Вы когда-нибудь угощали её шампанским?

– Шампанским?.. Угощал, но она отказалась. Признаться, я не совсем понимаю...

– Ничего страшного, скоро вы всё поймёте. Вы очень помогли мне, Алексей Николаевич, спасибо.

Пока пристав спускался по лестнице, его не покидало ощущение, что он что-то забыл. Пенсне на месте, в правом верхнем кармане сюртука, носовой платок в левом нижнем, а пистолет... Чёрт возьми, пистолет!

Глава 8

– Если вы думаете, Андрей Петрович, что я сяду за стол с убийцей моего сына... – возмущённо начала старшая Реутова, когда они подошли к обеденному залу.

– Юлия Михайловна, позвольте вас заверить, я выяснил, кто убийца, и это вовсе не Софья Константиновна. Прошу, присядьте.

Реутова нервно поджала губы. Прокашлявшись, Сафонов продолжил: – А сейчас, дамы и господа, я попрошу у вас минуту внимания. Мне очень хочется рассказать вам одну занимательную историю. Она началась не здесь, в имении Верховских, а три месяца до этого, в Воронежской губернии.

Взгляды обратились на Реутовых, и пристав довольно усмехнулся.

– Признаться, я просто отвратительный рассказчик. Давайте начнём по-другому – жила-была в одной губернии одна чудесная семья: мать, отец, дочь и сын. В последнее время у них случалось несчастье за несчастьем: врачебная практика главы семейства перестала приносить прежний доход, и, более того, в окружении появился человек, узнавший о былом, казалось бы, незначительном прегрешении отца, и ин-

когнито шантажировавший его теперь этим. Должно быть, в более благополучные времена доктор не обратил бы на это внимания, но ныне же шантажист рисковал лишить его последних пациентов. Супруга же нашего врача, местная светская львица, продолжала на последние устраивать званые вечера, на которые собирались люди со всей губернии, а нередко и со всей страны. Поэтому однажды, когда в их доме появился один благородный господин, никто не увидел в этом решительно ничего необычного и уж тем более предосудительного. Господин этот нанял дачу неподалёку от имения наших героев, а потому нередко навещал их. Однако, стоит нам сказать и о других членах этой семьи. О сыне говорить я не стану, так как в начале нашей истории он не сыграл особой роли, а вот дочь... Ей только-только исполнилось шестнадцать, и ей, как и любой девушке этого возраста, нужно было влюбиться в кого-то. Взгляд её пал на нашего господина, правда, признаться, влюбилась девушка по-особенному, той больной любовью, когда вы готовы ради человека на всё, даже на убийство. Этот вид обожания свойственен чувствительным, ранимым, эмоциональным и впечатлительным людям с тонкой душевной организацией. Увы, но именно они чаще других становятся преступниками. Господин же наш был полной противоположностью этой девушки. У них закрутился роман, и тот, увы, совратил её, а после уехал, гонимый некими делами – иными словами, всё как в дурном водевиле. Ну а если мы следуем законам сего жанра, обяза-

тельно следует упомянуть и то, что девушка эта, конечно, забеременела. Пока срок был небольшой, она всё оттягивала момент, когда скажет о своём положении семье. Однако не стоит забывать, что отец её был врачом, а потому определил причину плохого самочувствия дочери. К несчастью, после он понял и то, что вынужден будет вызвать того господина на дуэль... Как врач же он не мог допустить и мысли о том, чтобы убить другого, ведь даже будучи на фронтах русско-турецкой войны, он ни разу не лишал жизни человека по собственной воле. Не выдержав всех бед, приключившихся с ним, отец сего семейства застрелился, – Андрей Петрович замолчал, и в столовой воцарилась тишина, тишина перед надвигающейся бурей. – Имён же сиих персонажей называть я не считаю нужным.

Молчание разбил звон стекла. Стоило всем взглядам обратиться на старшую Реутову, как она выскочила из-за стола. В окровавленной ладони застрял осколок лопнувшего бокала, но женщина, казалось, даже не почувствовала боли.

– Грязная ложь! Поразительно: я считала вас честным человеком, а вы всего лишь жалкий клеветник! Ничего из названного вами не было и не могло быть!

– Если я и правда всё выдумал, то почему вы в такой ярости? – пристав иронично усмехнулся. – Ах, да, позвольте узнать, Юлия Михайловна: мой пистолет у вас, не так ли?

– Пистолет?.. – хором пронеслось по столовой.

Голоса смешались в единое целое, но среди общего гула

вдруг раздался крик:

– Не смейте! Не двигайтесь, или я буду стрелять!

Удивлённый Андрей Петрович резко обернулся. Перед ним стояла Марья, и в её трясущихся руках ходуном ходил наган.

– Маша! – в ужасе воскликнула Юлия Михайловна. Она хотела броситься к дочери, но отшатнулась, когда та направила пистолет в её сторону.

– Я... Он клялся мне, говорил, что женится на мне, что мы будем счастливы, что... Да какая разница? – голос сорвался на крик, и младшая Реутова истерически рассмеялась, стараясь скрыть подступающие к горлу слёзы. – Я была уверена, что уже забыла его, я хотела начать жизнь с чистого листа, и, поверьте, у меня бы получилось! О, если бы не этот проклятый бал! Дмитрий... он сказал мне, что если я убью Софью, то он женится на мне, и нашего ребёнка будут считать рождённым в браке. Я знаю, что папа... он мог из-за меня и него... И что мне было делать? Я поставила стакан с порошком, который Дмитрий дал мне, им в комнату, на столик, думала, что как Господь решит, так и будет. Почему она его не выпила? Мы были бы счастливы, если бы не она! – воздуха не хватало, и Марья хватала его губами, словно рыба, выброшенная на берег. – А Паша... Он был не в себе после того, как Софья Константиновна дала ему пощёчину, пришёл ко мне и стал обвинять в смерти папы. Я не могла, я должна была... Он мог не выпить из того стакана, но если выпил, то

значит, что Господь так решил!

Юлия Михайловна застыла посреди залы с отрешённым выражением лица.

– Я хочу жить... Моё дитя ни в чём не повинно. Не трогайте его, дайте ему родиться! Отпустите нас, умоляю!

– Марья Александровна, вас никто не тронет, если вы опустите пистолет, – вкрадчиво проговорил Андрей Петрович, подавшись всем телом вперёд.

Руки её задрожали ещё сильнее, а из глаз брызнули столь старательно сдерживаемые слёзы. Секунду она колебалась, но вскоре наган, смотревший в упор на Андрея Петровича, опустился вниз.

– Вы лжёте, – сказала с усмешкой. – Ненавижу ложь.

В миг её рука взметнулась к груди. Выстрел прогремел так, что задребезжали стёкла. Сафонов отшатнулся, а затем, минуя шок, бросился к упавшей на пол Марье.

– Мама... прости меня... – преодолевая боль, прошептала она одними бескровными губами, а затем слегка улыбнулась, словно увидев знакомое лицо. Пальцы, столь крепко державшие пистолет, расслабили хватку, и в глазах, обращённых теперь в небытие, сверкнули отблески огня.

Сафонов забрал из её рук револьвер, желая, должно быть, опередить Юлию Михайловну, бросившуюся к дочери. Она упала на колени рядом с ней, прижала к себе и стала трясти, не веря в произошедшее. Однако было поздно, и от этого осознания женщину словно парализовало, воздух в лёгких

исчез, и, желая закричать, она издала слабый хрип.

– Она невиновна... Это я! Я застрелила того ублюдка, застрелила из пистолета моего же мужа! Откуда мне было знать, что у Дмитрия была связь с Машей? Я узнала, что именно он шантажировал Александра, говорил, что подаст на него в суд из-за какого-то давнего их дела... После того, как муж застрелился, я поклялась, что отомщу, что Дмитрий ни за что не останется безнаказанным! Такие, как он, не заслуживают жизни! – не в силах больше сдерживаться, она принялась сыпать проклятиями.

– Не только вашего мужа шантажировал Дмитрий, – тихо, опустив глаза, сказала Анна Васильевна.

– Да, я знаю об этом. Однако сейчас есть задача куда более важная: нам надо передать Юлию Михайловну конвою, который, как кажется, наконец-то подъехал, – Сафонов потупил взгляд. – Хотя главное своё наказание она уже понесла...

– И всё же, я совершенно не понимаю, Андрей Петрович: как вы узнали обо всём? – спросил Филимонов у пристава, когда они, сидя в экипаже, ехали обратно в город.

– Признаться, это дело и правда было непростым. Первым из того, что я понял было то, что нам с вами лгут, причём лгут все поголовно. Вспомните то же несоответствие слов младших Реутовых на первом нашем допросе, когда Марья Александровна заявила, что никого не видела во время своей прогулки в саду, а Павел Александрович сказал, что выходил подышать свежим воздухом в одно с ней время. Повинуясь внутреннему чутью, я предположил, что именно его слова правдивы, но, как видите, ошибся. Ведь зачем тогда Марье Александровне было специально наводить на себя подозрения этими словами о столь поздней прогулке? Но если продолжить говорить о покойной, то убедиться в её положении было не так уж и трудно: слишком уж часто становилось ей дурно, слишком часто она была бледна. Мою гипотезу подтвердили слова Алексея Николаевича о том, что Марья Александровна отказалась от предложенного им шампанского – с одной стороны, это вовсе не должно быть странным, но если сложить всё с её извечно плохим самочувствием и бледностью, то образуется почва для гипотез. Что же, исходя из этого, я решил попробовать воссоздать картину произо-

шедшего. После неожиданной для неё встречи с Дмитрием Сергеевичем, Марья Александровна вступает с ним в сговор: от неё требуется лишь подсыпать цианид в стакан с водой изрядно опостылевшей мужу Софье Константиновне. Однако, понимая, что Дмитрий – вовсе не ангел, а к тому же может быть фактически убийцей её отца, покойная решает отдать всё провидению: поставить стакан на столик, а кто выпьет из него, решать уже не ей. Так как по словам Софьи Константиновны Дмитрий был сильно пьян, то, вероятно, решил утолить жажду из первого, что попало ему на глаза. В тот же злосчастный вечер Юлия Михайловна, движимая желанием мести за мужа, застреливает его из пистолета покойного мужа – вероятнее всего, для пущего символизма. С последующими двумя убийствами дело обстоит несколько проще: Павел лишился жизни от руки Марьи потому, что решил обвинить её в смерти отца – должно быть, узнал о её связи с Дмитрием; несчастная же горничная была повинна лишь в том, что, по всей видимости, могла сболтнуть лишнего – сначала Марья использовала её для того, чтобы оболгать Алексея Николаевича, потом поспешно заметала следы. Практика следователя показывает: убив однажды, остановиться, увы, невозможно. Но для того, чтобы окончательно во всём убедиться, мне потребовалось разыграть эту комедию с выстрелом. Я увидел то, что и ожидал: Марья, в отличие от остальных, была не напугана, а, скорее, удивлена.

Экипаж замедлил свой ход.

– Приехали, Фёдор Иванович, – сказал, выглянув в окно, пристав Сафонов.

***

Какое это было утро! Рассветное небо играло всеми оттенками красного, от тёмно-бордового до розоватого. Разбрасывая тени по траве, плыли пышные облака. Прохладный влажный воздух был полон аромата цветущих яблонь и груш. Алексей глубоко вдохнул и улыбнулся – должно быть впервые за долгое время без сарказма или печали. Он шёл к пруду, уже зная, кого встретит там.

Софья и правда сидела у кромки воды. В волосы её была вплетена ромашка, а несколько других цветков она держала в руках, отрывая от каждого по лепестку. Они белыми следами падали на юбку чёрного траурного платья, совершенно не отражавшего состояния его хозяйки.

Алексей подошёл к ней со спины, закрыл Софье глаза ладонью, и от этого прикосновения словно ток пробежал по пальцам. Она невольно вскрикнула, но не вырвалась из объятий, а, рассмеявшись, спросила:

– Это вы?

– Неужели вы ждёте кого-то другого? – шутливо возмутился Якунин. – Однако я отвлёл вас. Что вы делали?

– Вы правда думаете, что можете отвлечь меня?

Он улыбнулся. Наконец отпустив её из своих объятий, Алексей сел рядом, прямо на траву. Софья тихо сказала, стыдливо потупив взгляд:

– Я гадала по цветам. Спрашивала о любви.

– И что же они говорят?

– Вы знаете, – губы её тронула лукаво-печальная полуулыбка, – цветы не люди: они никогда не врут.

Москва, 2022

Книга проиллюстрирована нейросетью Dream by Wombo